

У истоков Руси

Олег Яковлев

Ромейская
история

У истоков Руси

Олег Яковлев

Ромейская история

«ВЕЧЕ»

2023

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

Яковлев О. И.

Ромейская история / О. И. Яковлев — «ВЕЧЕ», 2023 — (У истоков Руси)

ISBN 978-5-4484-8990-7

Отряд русов возвращается домой после войны в Закавказье и проездом оказывается в Константинополе, где получает заманчивое предложение всем скопом поступить в гвардию императора ромеев. Многие в отряде соглашаются, но вскоре начинают тосковать — родина манит. Меж тем умирает император Михаил, в схватке за трон побеждает новый супруг престарелой императрицы Зои — Константин Мономах, а гвардейцы-русы становятся жертвами этой недолгой смуты и оказываются в тюрьме. По счастью, им удастся бежать и добраться до дома, но судьба снова приводит их к Константинополю — в рядах войска, собранного князем Владимиром Ярославичем. Таков сюжет нового романа Олега Яковлева, где показаны весьма запутанные отношения между Русью и Ромейской державой в первой половине XI века.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2)

ISBN 978-5-4484-8990-7

© Яковлев О. И., 2023
© ВЕЧЕ, 2023

Содержание

Вступление	6
1	7
2	11
3	13
4	16
5	18
6	21
7	25
8	27
9	32
10	37
11	41
12	42
13	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Олег Игоревич Яковлев
Ромейская история
Роман

* * *

© Яковлев О.И., 2023

© ООО «Издательство „Вече“», 2023

Вступление

Одиннадцатый век. Долгие войны и хрупкие миры, дворцовые перевороты и народные восстания, ратное удалство и жаркий шепоток заговорщиков, пламенные слова любви и чёрный туман злобы – всё это вобрало в себя столетие, когда, как колоссы на глиняных ногах, рушились эфемерные державы раннего Средневековья.

Сотрясали усобицы Германскую империю; полыхали бунты в лесах Мазовии; в Испании шла жестокая многолетняя война христиан с маврами; в степях Причерноморья отчаянно рубились на саблях печенег и торки. А в это время на Руси князь Ярослав возводил храмы, строил города, приглашал из Византии зодчих, иконописцев, богословов.

Русь и Византия, Ромея, Восточно-Римская империя. Уйма книг написана о взаимоотношениях этих двух держав, десятки разных толкований тех или иных событий можно встретить в литературе.

Были миры, были кровопролитные рати, были долгие переговоры; торговые суда обеих стран неустанно бороздили просторы Чёрного моря, пробирались через ревущие стремнины Днепра, бросали якоря в бухте Константинополя и на киевских вымолах¹ у Почайны.

Князю Ярославу, несмотря на свой миролюбивый нрав, время от времени приходилось-таки братья за оружие. Несколько лет кряду воевал он со своим братом Мстиславом, князем тмутараканским, а позднее – черниговским. Наконец, в 1026 году братья заключили между собой союз и с той поры жили друг с другом в добром согласии, поделив Русскую землю по Днепру на две части.

Князь Мстислав не был, вероятно, так прозорлив и дипломатичен, как Ярослав. Удачливый воин, герой песен и сказаний, богатырь, осиливший в поединке касожского силача Редедю, – таким предстаёт перед нами Мстислав на страницах русских летописей. И в то время как брат его устремлял взор на Запад, выдавая дочерей замуж за европейских монархов, владетель Чернигова больше смотрел на юго-восток, туда, где за океаном полынных степей синеют отроги Кавказских гор.

В 30-е годы XI века русские отряды воевали в Ширване² и Арране³ на стороне правителей Дербента и горцев-аланов⁴. Сначала русам сопутствовала удача, но позже из-за предательства сына правителя Аррана Фадлы Мусы они потерпели ряд поражений и ушли в ромейские пределы.

С этого и начнём мы свой рассказ.

¹ Вымол – причал, пристань.

² Ширван – историческая область на территории современного Азербайджана. Столица – город Шемаха.

³ Арран – область в средневековом Азербайджане.

⁴ Аланы – народность в Предкавказье и на Северном Кавказе. Считаются предками осетин.

1

Круты и изрезаны скалистые берега омытой жарким солнцем Пропонтиды⁵. Ласково блещит внизу, под каменной грядой, зеленовато-прозрачная водная гладь; солнце разбрызгивает, расплёскивает золотистые копыя-лучи; скользят по воде, подёрнутой лёгкой рябью, отражения скал, размываются, теряют свои очертания, исчезают, появляются вновь.

Окоём пестрит крохотными тёмными точками – это разбросаны по морю мелкие островки. Уже и не помнит никто, почему назвали эти острова Принцевыми. Может, потому, что порой томились здесь, на безлюдных скалах, знатные пленники.

Иногда пробежит по морю под косым ромейским парусом торговая кумвария⁶, огласят берег крики капитана и свистки надсмотрщиков, вспенят изумрудную воду вёсла бронзово-лицых невольников-гребцов, чайки закружат над водой, взвывают ввысь с криками, а затем снова всё стихнет, погрузится в тишину, лишь с тихим журчанием будут биться волны о прибрежный камень.

На высокой скале малоазийского берега видны опоясанные каменными стенами строения монастыря. В серый гранит одеты круглые башни с зубчатыми коронами, из-за стен выглядывают облитые свинцом купола церквей с золочёными, сверкающими на солнце православными крестами. Самое место здесь для молитв, уединения, размышлений. И не верится, что совсем недалеко отсюда, всего на расстоянии каких-нибудь 600–700 стадий⁷, – бухта Золотой Рог и кишачий людьми, наполненный суетой и гамом Константинополь – Новый Рим, переменчивый и великий, ужасный и исполненный невиданных чудес и красоты, огромный, подобный гигантскому муравейнику город.

...Дробный стук копыт нарушил незыблемую, казавшуюся вечной тишину берега. По узкой тропе, торопя резвого гнедого скакуна, проскакал всадник в белом льняном скранике⁸, отделанном по вороту, подолу и рукавам шёлковыми алыми полосами. Под скраником поблескивала чешуйчатая бронь, голову всадника покрывала войлочная, отороченная мехом круглая шапка, на зелёных сафьяновых сапогах сверкали железные бодни⁹.

Конь взмыл на крутую вершину, стрелой пролетел мимо башни монастыря и по извилистой тропе начал спускаться в глубокую лошину, на дне которой струилась серебристая змейка реки.

Резко удержав коня за поводья, верховой беспокойно прислушался, осмотрелся и удовлетворённо усмехнулся.

Острый глаз его заприметил у подножия горы, на речном берегу несколько воинских палаток-вежей. Спешившись, он повёл коня в поводу и стал неторопливо пробираться вниз по каменистому склону.

...Возле вежи пылал разожжённый костёр. В чёрном от копоти котле булькало ароматно пахнущее варево. Рослый светловолосый молодой воин в посконной долгой рубахе деревянной ложкой пробовал его на вкус.

– Вборзе¹⁰ ль готова ушица будет? – нетерпеливо спросил вышедший из вежи кряжистый широкоплечий средних лет человек с тёмной окладистой бородой.

⁵ Пропонтида (греч.) – Мраморное море.

⁶ Кумвария – грузовая ладья в Византии.

⁷ Стадия – мера длины от 157 до 189 метров.

⁸ Скраник – одежда для верховой езды.

⁹ Бодни – шпоры.

¹⁰ Вборзе (древнерус.) – скоро, быстро.

– Вборзе, воевода Иванко, – воин у костра улыбнулся. Из-под короткой верхней губы блеснули крупные белые зубы.

Воевода Иванко молча кивнул, подставив бронзовое от загара, перерезанное несколькими глубокими шрамами лицо с орлиным носом и тонкими губами под широкой щёткой густых усов закатным солнечным лучам.

Запыхавшись от быстрого бега, к нему подлетел высокий тонкостанный юноша в кольчуге, с копьём в деснице.

– Воевода, тамо... Посланник ромейский. Баит, с Царьграда. По-нашему лопочет!

– Наконец-то. Кличь его сюда, Любар, – воевода заметно оживился.

Хмуря чело, он круто повернулся и, тяжело ступая, пошёл обратно в вежу.

...В веже было темно, сыро, неудобно. Иванко присел на кошмы, но тотчас же передумал и, махнув рукой, с усталым раздражением откинул войлочную занавесь.

На пороге остановился уже знакомый нам путник в дорогом скранике. На смуглом лице его играла ласковая улыбка. Приложив руку к сердцу, он сладким, елейным голосом заговорил:

– Светлый друнгари¹¹ Иван! Великий город святого Константина, Новый Рим, средоточие мира, готов распахнуть тебе объятия. Будь нашим гостем. Базилевс Михаил слышан о твоих воинских подвигах, о том, как ты громил нечестивых агарян¹² на полях Аррана и Ширвана, на Гирканском море¹³ и в долинах Аракса. Скажу сразу: тебя ждёт приём во дворце. Автократор¹⁴ пожелает тебя беседой. Давно такого славного воина не видела столица империи.

Посланник старался не замечать убогой и грубой обстановки воеводской вежи. А может, и сам привык к подобному.

На вид гонец был очень молод – года двадцать три – двадцать пять. Иванко и удивился, и опечалился, мысленно отмечая это.

«Ну и ромеи. Мальчишек в гонцы наряжают!» – подумал он с едва скрываемым недовольством.

Он жестом пригласил гостя сесть на постеленную у костра конскую попону и, когда тот с благодарностью принял предложение, коротко приказал воину, колдующему над варевом:

– Порей! Ущицу подай вестнику.

– Ты добирался до нас один? – приподняв лохматые брови, спросил воевода гонца.

– Один, светлый друнгари. Я хорошо знаю этот путь. Он относительно безопасен днём. Раньше, во время войн с сарацинами, – да, в здешних водах часто разбойничали пиратские кубары¹⁵, но сейчас вокруг тишина и покой.

– Кто ты? Как твоё имя?

– Меня зовут Кевкамен Катаклон.

– Ты грек?

– Мой отец – армянин, а мать – из болгарского рода Николицы.

– Из ранних ты. – Воевода и остальные воины, рассевшиеся вокруг костра, пристально рассматривали молодого посланника.

Слегка припухлые уста под ленточкой коротких, напомаженных на кончиках усов придавали смуглому лицу Катаклона некоторую мягкость, тогда как горбатый тонкий нос и густые брови делали его суровым и порой надменным. Волосы на голове у юноши вились плавной волной. Вообще, он был хорош собой и утончён в манерах, этот Кевкамен, сын армянина и болгарки.

¹¹ Друнгари (*визант.*) – начальник друнга – отряда воинов в 1000–3000 человек.

¹² Агаряне – потомки ветхозаветной Агари, наложницы Авраама. Согласно библейской традиции, к агарянам относятся многие восточные народы, в том числе арабы и турки.

¹³ Гирканское море – Каспийское море.

¹⁴ Автократор – самодержец; так именовали византийского императора.

¹⁵ Кубара – арабский корабль.

Порей с улыбкой подал доброму вестнику глиняную миску с дымящейся ухой. Кевкамен рассыпался в благодарностях и осторожно, боясь обжечь губы, приступил к трапезе.

– В удобной бухте, укрытой от бореиских¹⁶ ветров, ждёт вас императорский дромон¹⁷. На нём вы поплывёте в нашу столицу, – говорил он, уважительно поглядывая на суровое лицо воеводы. – Я провожу вас в эту бухту. Базилевс распорядился выдавать вам жалованье – слобное¹⁸.

– Слобное? Вот как? – Иванко удивлённо вскинул голову. – Но мы ведь не на службе у его. И не посольство правим. Просим токмо, пропустил бы чрез свои земли. Почитай, пять лет на чужбине провели.

– О том разговор после будет, – досадливо обронил Катаклон.

Наверное, он сказал сейчас лишнее. Чёрт, что ли, дёргал за язык! Зачем было начинать толковню о жалованье – вот придут русы в Константинополь, тогда всё и узнают.

Трапеза продолжалась в напряжённом молчании. Воины, было оживившиеся, насторожённо, исподлобья бросали взгляды на немного растерянного Катаклона. Даже улыбчивый Порей и живчик Любар примолкли.

– Любар! – нарушил тишину воевода. – Сопроводи гостя в вежу. Отдохни, вестник. Да, отмолви: в каком ты придворном звании?

– Спафарокандидат¹⁹.

Иванко кивнул.

Юный Любар проводил Кевкамена в высокий шатёр. Хмурился молодой рус, нечто скользкое, отталкивающее читал он в чёрных глазах сладкоречивого ромея. Вот вроде и доброе известие тот принёс, а нет в душе ни капли радости. И словесами напыщенными набит этот хитрец, как горохом.

«Ромеи льстивы и коварны, – вспомнил Любар слова, некогда сказанные воеводой. – Не верь их лукавым речам».

Может, и этот таит за ласковой улыбкой полные ковы и ненависти замыслы?

Тряхнув русой головой, постарался отогнать добрый молодец тревожные думы.

Пусть, в конце концов, валяется ромей на кошмах в шатре. Если задумает лихое, найдётся и для его головы острый меч.

Любар воротился к костру. Воины разошлись по вежам, только воевода по-прежнему сидел у огня, в задумчивости вороша тонким прутом гаснущие угольки.

– Не верю я сему Кевка... Как его там? – сплюнул Любар. – Ну и имя. Лягушачье какое-то.

Воевода усмехнулся в усы:

– Кевкамен Катаклон. Постарайся запомнить.

– А ты, воевода, веришь его словам льстивым?

– Да как те сказать? Садись-ка поближе, друже Любар, потолкуем.

Иванко потерев перстами окладистую, тщательно расчёсанную и приглаженную бороду.

– Ромею сему я не верую... До конца. Но не думаю, что створят нам в Царьграде лихо. Иное тут. Верно, в службу свою зазывать почнут. Вот и льстят пото²⁰.

– А на что мы им? Али своих ратников нету? – удивлённо пожал плечами Любар.

– На своих, видать, полагаться не приходится. Раньше, в старые времена, набирали императоры на службу ополченцев-крестьян, стратиотами их кличут. Но войско такое ненадёжно,

¹⁶ Бореиский ветер – северный.

¹⁷ Дромон – крупный византийский военный корабль.

¹⁸ Слобное – жалованье, выдавалось послам.

¹⁹ Спафарокандидат – один из младших чинов в византийской придворной иерархии.

²⁰ Пото (*древнерус.*) – потому.

не один раз бунты случались, встани²¹. Вот и порешили топерь держать рать наёмную – варяги служат, нурманы, да и наших славян хватает. Ныне времена для империи наступили тяжкие – смуты повсюду идут, которы²², мятежи. Пото и надобны ромеям смыслёные в ратном деле люди.

– Верно, так. Вот слушаю тя, а мысли-то совсем об ином. Как тамо ноне у нас, на Руси? – вздохнул Любар. – Верно, сенокос идёт. Хоть бы единым глазком глянуть.

Подняв васильковые глаза, он печально воззрился на темнеющее южное небо. Солнце садилось за горной цепью, потухало, слабые косые лучи падали на листья благоухающего лавра и магнолий, первая звезда желтоватой, едва заметной точкой заблестела посреди сапфировой небесной глади. В траве застрекотали светлячки, жужжали цикады, вдали слышался мерный рокот прибоя.

Тревожно было на душе у Любара. Поднявшись и взяв в десницу копье, спустился он к ручью и стал, чутко прислушиваясь ко всякому звуку, обходить окрестности лагеря.

²¹ Встань (*древнерус.*) – восстание.

²² Котора – междоусобица.

2

Из палаты Большого императорского дворца открывался вид на море. На воде лениво покачивались огромные дромоны с орлами и драконами на разноцветных парусах.

Спафарокандидат Кевкамен Катаклон, робея, застыл перед сидящим в резном кресле с золочёными подлокотниками всесильным евнухом – проэдром²³ Иоанном, дядей базилевса Михаила.

Белая шёлковая хламида облежала необъятное, оплывшее жиром тело скопца, на ногах его сверкали украшенные лалами и жемчугом чёрные сандалии. Пот градом катился по его лицу, влажной рукой Иоанн сжимал платок с благовониями и обмахивался им, как опахалом.

– Русы в городе Константина, достопочтимый, – раболепно упав на колени и земно кланясь, промолвил Кевкамен.

– Это хорошо, патриций, – пискляво провизжал евнух.

Катаклон вздрогнул. Неужели он ослышался? Патриций – высокое придворное звание, а он пока всего лишь жалкий спафарокандидат.

– Да, да, ты будешь патрицием, Катаклон, если уговоришь русов остаться у нас. Ничего не скрывай от них. Скажешь так: «Архонт²⁴ Мстислав, владетель городов Чернигова и Таматархи²⁵, посылавший вас воевать в Закавказье против правителя Ширвана, умер, не оставив потомства. Его земли прибрал к себе Ярослав, его брат и старинный недруг. Нечего делать вам на Руси. Другая власть, другие люди». Да, да, Катаклон. Задача твоя нелегка, но выполняй. Если всё сделаешь как надо, будешь носить дорогой скарамангий²⁶, блистать в аксамите²⁷ на приёмах у базилевса. Базилевс щедро одаривает верных подданных и не забывает благодарить достойных. Да, да.

Снова кланялся Кевкамен евнуху до земли, снова робость овладевала им, а каждое казавшееся неловким движение вызывало предательский холодный пот. Змейка страха бежала по его спине. Впервые очутился молодой чиновник с глазу на глаз с таким высокопоставленным лицом. Ведь Иоанн, по сути, управлял ромейской державой за своего племянника Михаила, баловня слепой судьбы, так вознёсшегося благодаря любви стареющей императрицы Зои.

– При случае ты должен свести русского воеводу с куропалатом²⁸ Гаральдом Гардрадом. Этот норманн раньше служил в Киеве, у князя Ярослава. И он хорошо знает друнгарию Ивана. Пусть он расскажет русам о благодатной службе в этерии²⁹, о своих воинских подвигах и о щедрости базилевса. Да, да. Учти, спафарокандидат Кевкамен Катаклон, нам очень сильно нужна воинская сила этих варваров. Пообещай им сто литр³⁰ золота в год.

– Сто литр?! – вырвалось у изумлённого молодого человека.

– Да, сто литр! – недовольно повысив голос, повторил Иоанн. – Нам надо суметь надёжно защититься от мятежей непокорных динатов³¹ и от разбушевавшейся черни. Теперь расскажи мне, что ты узнал о походах русов в Ширван.

– Их послал архонт Мстислав, – начал, краснея от волнения и запинаясь, Кевкамен.

²³ Проэдр – глава синклита (сената), второе лицо в Византии после императора.

²⁴ Архонт – князь, правитель области.

²⁵ Таматарха – Тмутаракань, русская колония на Таманском полуострове.

²⁶ Скарамангий – одежда придворных чинов для выездов, напоминала кафтан.

²⁷ Аксамит – дорогая ткань, род бархата, обычно красного или фиолетового цвета, с медальонами, изображающими львов и грифонов.

²⁸ Куропалат – придворный титул. Куропалатом был начальник стражи дворца в Константинополе.

²⁹ Этерия – в Византии отряд дворцовой гвардии императора.

³⁰ Литра – византийский фунт (327,456 г).

³¹ Динат – в Византии крупный землевладелец.

– Это мне известно. Дальше! – резко перебил его Иоанн и махнул своей неприятной влажной рукой.

– Они вышли из Дербента на кораблях, разбили войско ширваншаха, заняли Шемаху, потом ушли на Аракс, в область Арран. Взяли штурмом Байлакан.

– Это город у слияния Аракса и Куры?

– Да, достопочтимый проэдр. Каменная крепость.

– Что было потом?

– Потом они ушли в наши армянские владения, в Васпуракан³².

Иоанн вскинул круглую тяжёлую голову.

– Не снюхались ли они с нашими врагами, с еретиками-тондракитами?³³ Надо прощупать это, узнать обо всём обстоятельно. Где были, с кем встречались, о чём говорили. Не допусти господь, станут плодить в столице тондракийскую ересь. Но продолжай.

– Позже русы возвратились в Ширван. Их предал прежний союзник, Фадла Муса, сын эмира Аррана. Он сговорился с ширванским шахом и напал на лагерь русов.

– Да, да, я слышал об этом. Русы смелы, но наивны как дети. Верят клятвам, данным на обнажённом мече! – Евнух презрительно ухмыльнулся и захихикал.

– Это так, сиятельный проэдр. – Катаклон через силу любезно улыбнулся и продолжил свой рассказ: – С большим трудом русы отбились от сабель неверных. В конце концов друнгарий Иван добрался до берега Пропонтиды.

– Ты способный дипломат, Кевкамен, – кивая, остановил речь спафарокандидата проэдр. – Да, да. Поговорим о другом – о причинах появления русских дружин на равнинах Ширвана. Хочу услышать твоё мнение об этом.

– Архонт Мстислав имел тайные договоры с аланами и правителями Дербента. Они помогли ему в войне с братом Ярославом, а после принимали участие в походах в Крым и на Волынь.

– То есть храбрый удалой архонт таким образом отблагодарил Дербент и диких горцев-аланов за прежнюю помощь?

– Да, достопочтимый.

– Но храбрость и удалство, к счастью, не являются эликсиром жизни, – евнух снова залился скрипучим тонким смехом. – Умер Мстислав, не будет и походов русов. По крайней мере, без нашего участия и одобрения они нежелательны. Но архонт Мстислав был прост, тогда как нынешний владетель Киева, хоть нам пока и союзник, человек скользкий и хитрый. Да, да, Катаклон. Но действуй. Убеди русов остаться в Константинополе.

Иоанн милостиво позволил коленопреклонённому Кевкамену поцеловать край своей долгой хламиды.

³² Васпуракан – область в средневековой Армении, близ озера Ван.

³³ Тондракиты – участники еретического движения в Армении в IX–XI веках.

3

Над монастырём Святого Маммы синело безоблачное небо. В бухте у причалов качались многочисленные торговые суда, гружённые воском и мёдом, рыбой и драгоценными мехами, шёлком и зерном. Русские купцы держали в городе лавки, вели широкую торговлю и обмен товарами. Бдительные легатории³⁴ со тщанием следили за куплей-продажей, проверяя, чтобы всякий торг протекал согласно изложенным в «Книге эпарха» строгим правилам. В этой книге конкретно и чётко расписано, где, чем и в каком количестве разрешается торговать в столице.

Так, золотых дел мастера продают свои изделия на улице Меса, лавки арабских и персидских купцов восточными товарами находятся в Эмволах; торговцы благовониями располагают свои ряды между Милием и Халкой, чтобы благоухание амбры могло долететь до дворцовых портиков. Амбра и мирра поступают в Константинополь из Аравии, перец – из Индии, нард – из Лаодикии³⁵, корица – с далёкого острова Цейлон.

На рынках столицы строжайше запрещено продавать халдейские снадобья – цикуту и мандрагору.

На форуме Стратигия торгуют баранами, на форуме Тавра от Пасхи и до Троицы продают молодых ягнят, на крытом навозом Амастрианском форуме – лошадей самых разнообразных пород и мастей. Но не случайно называют Амастрианский форум Долиной Слез – наряду с конским торжищем размещается здесь самый большой в мире невольничий рынок. На Амастриде всегда можно купить молодого мускулистого раба или красавицу-рабыню.

Правила «Книги эпарха» хорошо знает любой купец, свой или приезжий. За несоблюдение их недолго и лишиться товара, и ещё, чего доброго, оказаться в тюрьме.

– Что, не шибко развернёшься в Царьграде? – вопрошал воевода Иванко собирающихся на торжище купцов-соотечественников.

– На хлеб хватит, – сухо отвечали купцы, недоверчиво рассматривая голубую шёлковую рубаху и узкие, заправленные в высокие сапоги туви³⁶ воеводы.

Им неизвестно, что Иванко за человек. Может, он подосланный коварными ромеями соглядатай. Вот так влезет в душу, визнает, выпросит обо всём, а потом донесёт эпарху-градоназначнику – такой-де Братилю или Ждан поносит ромейские порядки, говорит: мал прибиток у него, ругает законы империи, о самом базилевсе отзывается недостаточно почтительно – тогда успевай только уносить ноги из города.

В предместье многие сторонились Иванки и его людей, непонятно было, откуда вдруг взялись эти бронзоволицые воины в покорёженных кольчугах и шеломах, измотанные долгими путями и походами. Зато затаив дыхание слушали в портовой таверне питухи рассказы улыбающегося Любара о Хвалисском море, о долинах Аракса, об осаде Байлакана и предательстве сына правителя Аррана коварного Фадлы Мусы.

Иванко строго предупредил Любара – слишком уж он болтлив, не Русь тут, надо б попридержать язык за зубами.

При мысли о Любаре воевода улыбнулся. Словно сын ему этот отчаянно храбрый юноша. Когда-то, по молодости, и сам Иванко был таким же: не ведая страха, врывался он во вражий стан, взбирался на заборы крепостных стен, насмерть рубился на саблях с косматыми печенегами и кровожадными хазарами.

Одно огорчало воеводу – холоден был Любар к женской красе, даже податливыми красавицами-полонянками пренебрегал. Но, даст Бог, сыщёт ещё себе ладу – дело молодое!

³⁴ Легаторий – чиновник, выполняющий полицейские обязанности в Константинополе.

³⁵ Лаодикия – здесь: город в Малой Азии, на реке Лик.

³⁶ Туви – узкие штаны.

Иванке и его воинам отвели в предместье двухъярусный каменный дом, украшенный меандром³⁷, с высоким мраморным портиком в виде открытой галереи с колоннами. Что ни день, являлся к нему Кевкамен Катаклон. Ласковая добрая улыбка неизменно играла на устах сладкоречивого молодого чиновника, подобно мёду лились его слова в уши русов, но не очень-то доверял Иванко этому хитрецу. Чувствовал он: не зря отирается в предместье Святого Маммы пронирыливый спафарокандидат, всё обо всём и обо всех знающий.

Вот и сегодня: едва воротился хмурый воевода с пристани, как Катаклон заглянул к нему в покои. Широкие рукава его хламыды перехватывали поручи, на поясе сияла золотистая бляшка, ногти на руках были со тщанием покрашены. От ромея исходил терпкий аромат аравитских благовоний.

«Стойно баба!» – со скрытым отвращением подумал воевода.

А Кевкамен говорил, как обычно, вкрадчиво, елейным голосом:

– Спешу сообщить тебе радостное известие, доблестный друнгарий. Ровно через неделю, в восьмой день септемврия, сам базилевс во дворце Магнавры удостоит тебя беседой. Это великая честь, дарованная немногим избранным.

Иванко грустно усмехнулся.

– Да уж, воистину, честь великая, – с издёвкой в голосе пробормотал он.

– Не кошунствуй, друнгарий. Многие люди целую жизнь ждут и молят о такой милости.

– Как у вас, ромеев, всё сложно! Церемонии, строгие законы, порядки. Вы не верите клятвам, измышляете лукавства, опасаетесь, тайком ненавидите друг дружку! Вы не верите в дружбу, вы завистливы, вам не хватает света, теплоты! Ваши души темны. Кевкамен, разумеешь, о чём толкую?

Лицо молодого чиновника внезапно посуровело, слащавая улыбка покинула его уста, он задумчиво нахмурил высокий лоб. Глубокая печаль скользила в чёрных, подёрнувшихся туманом глазах.

– Да, ты во многом прав, друнгарий Иван, – тихо ответил Кевкамен, чуть заметно кивнув. – Но не будем о несовершенствах нашей жизни. Имею новости из Русской земли. Пока ты воевал в Арране, в Чернигове умер архонт Мстислав.

Потрясённый воевода вскочил с обитого синим бархатом широкого конника³⁸.

– Что молвишь?! Как?! Князь Мстислав?! – У него перехватило дыхание.

Катаклон с удивлением заметил на глазах воеводы слёзы.

– О Господи! – Иванко с горестным стоном тяжело рухнул обратно на скамью и в отчаянии закрыл ладонью лицо. – Эх, княже, княже! Экие замыслы у ты были! Что ж ты, княже! Не сдюжил, не возмог!

– Судьба, воевода. А может, Господь покарал архонта Мстислава за его гордыню. Сидел в Таматархе, захотел большего, силой отобрал у брата половину его земель.

– Замолчи, Катаклон! – вскричал воевода. – Не до твоего высокоумья! Князь Мстислав мне яко отец, яко брат старшой был! Кабы не он, сгинул бы я у печенегов в полоне, невольником жалким! Христом Богом молю: уйди покуда. После свидимся.

Катаклон с беспокойством взглянул на полное скорби суровое лицо Иванки и, вздохнув, неслышно выскользнул из покоя. А воевода, оставшись один, бессильно уронил голову на руки и расплакался, как ребёнок.

Вспомнились ему юные годы, проведённые в солнечной Тмутаракани. Отец Иванки, Творимир, был знатным купцом, имел лавки в Киеве и в Переяславле. Путь отца оборвала на Дону, возле Саркела, печенежья калёная стрела. Тогда и его, Иванку, уклонула в грудь лихая пришелица, угодил он, тяжко израненный, в полон и там бы, наверное, и закончил свои дни.

³⁷ Меандр – сложный узор в виде ломаной линии, применялся для украшения зданий.

³⁸ Конник – здесь: лавка.

Спасли Иванку ворвавшиеся во вражий стан молодые воины в сияющих остроконечных шеломах. Степные разбойники были иссечены мечами, их кибитки и обозы захвачены, а юного паробка взял к себе в дружину князь Мстислав – удалой лихой рубака.

Сколько лет прошли они, князь и будущий воевода, плечом к плечу?! И на хазар ходили, и на касогов, и на тех же печенегов. Не раз Иванко прикрывал раненого князя от вражьих копий, порой в свою очередь и Мстислав спасал своего верного дружинника от кривых сабель, с хищным проблеском готовых опуститься на его голову.

И вот теперь князя Мстислава – друга и ратного товарища – нет в живых! Это казалось Иванке невыносимым, непостижимым, он тряс седеющей головой и не мог поверить!

В дверь покоя протиснулся Любар. При виде опечаленного воеводы мгновенно исчезла с его лица весёлая добродушная улыбка.

– Что стряслось? – спросил он, насупившись.

– А то, друже, что ворочаться нам с тобой топерича вроде как и некуда, – тяжело выдохнул воевода. – Князь Мстислав в Чернигове помер.

Любар застыл на пороге с полураскрытым от изумления ртом.

4

Как бы невзначай повстречали на многолюдной улице Меса Иванко и Любар нурмана Гаральда Гардрада.

Тяжёлый суконный плащ с серебряной фибулой³⁹ покрывал могучий стан рослого северянина; длинные льняные волосы, перетянутые обручем, спадали у него по нурманскому обычаю на плечи; сильные длани сжимали золочёную пряжку широкого сафьянового пояса.

– О, воевода Иван! Тысяча свиней! Приятно встретить старого знакомого! – Нурман засмеялся и дружески хлопнул воеводу по плечу. – Не ожидал тебя увидеть! Какими судьбами ты здесь?!

Вокруг теснилась многоязыкая толпа, от криков и шума в ушах стоял непрерывный звон.

– Уйдём отсюда, с Месы, – Гаральд пригласил русов следовать за собой. – Я знаю одно тихое место неподалёку. Посидим, поговорим.

Они свернули на узкую кривую улочку и прошлёпали по грязи к низенькому зданию с покрытыми копотью круглыми колоннами у входа.

– Таверна «Золотой Рог», – пояснил Гаральд. – Садитесь, угощайтесь. Базилевс хорошо платит за верную службу. – Он потряс висевшим на поясе кожаным мешочком, туго набитым золотыми и серебряными монетами.

Любар с любопытством разглядывал дорогое платье нурмана. Он немного слышал о ратных подвигах этого богатыря и как-то сразу проникся к нему уважением и доверием.

Они сели за длинный дубовый стол посередине просторной полупустой залы.

Хозяин заведения с угодливой улыбкой поставил перед посетителями наполненный красным хиосским вином кувшин, воду и жаркое.

Воевода Иванко подробно поведал Гаральду о походе на восток. Нурман внимательно слушал и доброжелательно кивал.

– Тысяча свиней! Никак не приучу себя разбавлять вино водой, – Гаральд натянуто рассмеялся и отодвинул в сторону сосуд с холодной ключевой водой. – Помню, в Киеве мы предпочитали крепкие мёды. Впрочем, скажу вам, на службе у базилевса мне доводилось хлебнуть всякого: и ракии, и мёдов, и олу⁴⁰. С тех пор как я поступил на службу в этерию, мне не грозит нужда. Золото и серебро всегда бренчат в кошельке. Купил виллу на берегу Босфора, держу там наложниц, рабов, живу в роскоши и богатстве. В Киеве я бы такого никогда не имел. Теперь я удостоен звания куропалата и команду императорской гвардией. Базилевс ценит храбрых людей. Помнит, как я воевал в Сицилии против сарацин, брал Сиракузы и Мессину, ходил в поход на Нил с экзархом⁴¹ Текнеем. При дворе всегда можно заслужить почести и славу.

Гаральд долго и обстоятельно рассказывал, как брал он на щит сарацинские города, как хоронился в тростниках на берегу Нила, как жёг греческим огнём пиратские кубары.

Любар слушал нурмана, затаив дыхание, Иванко же устало хмурился и отводил взор.

– Я слышал, князь Мстислав почил в Бозе. Это правда, воевода Иван?

– Правда, – с горестным вздохом отозвался воевода.

– Тысяча свиней! Так зачем вам возвращаться на Русь, доблестные мужи?! – развёл руками Гаральд. – Мой совет: вступайте в ряды этериотов. Забудете про нужду, станете носить красивые одеяния, любить лучших женщин.

– Тако я и ведал, – усмехнувшись, заметил Иванко. – Ну, нам с Любаром пора. Спаси ты Бог, Гаральд. Благодарим за угощение. А о предложенье твоём помыслить надоть.

³⁹ Фибула – застёжка.

⁴⁰ Ол – пиво.

⁴¹ Экзарх – глава экзархата, пограничной области в Византии.

Он потянул Любара за рукав суконной рубахи...

– Вот те, отроче, и ромейское лукавство, – сказал воевода, когда они шли по дороге к предместью Святого Маммы.

– В чём лукавство углядел, Иванко? – удивлённо спросил Любар.

– Млад ты, друже, – вздохнул воевода. – Гаральд-то ведь нам не зря на Месе попался. Подослали его перетолковать.

– Как же нам топерича быть, воевода, куда ехать? – Любар, задумавшись, пожал плечами. – Али в самом деле наняться к базилевсу на службу? Красно нурман сказывал.

– Не всё то, отроче, красно, что речётся лукавыми словесами. – Иванко грустно рассмеялся. – Одно скажу: из Царьграда покуда нам, чую, не выбраться. Вот на осьмое число приём назначил базилевс, после и порешим, как будем.

Предмесья Святого Маммы они достигли в час, когда за горными цепями на западе алела кровавая вечерняя заря. Иванко и Любар брели в угрюмом молчании, оба сомневаясь и не ведая, что готовит им грядущее – радость и удачу или невзгоду и печаль.

5

За стенами Великого Феодосия с Золотыми парадными воротами и долиной Кидариса, над которой возвышался широкий акведук времён Юстиниана⁴², неумолимо угасало дневное светило. В бухте Золотой Рог стихала ругань корабельщиков и крики надсмотрщиков, на улицах и площадях большого города зажигались смоляные факелы. Быстро темнело, в синий сумрак погружались украшенные мраморными портиками дома богатых горожан, статуи,obelisks, скрывались мозолящие глаза многоэтажные инсулы⁴³ на грязных узких улочках, где селилась константинопольская беднота – мелкие торговцы, ремесленники, рыбаки и моряки.

Дневная жара спала, с моря веяло прохладой. У ворот и на стенах перекликались стражи, стало слышно, как запирают на тяжёлые засовы обитые медью военные ворота и поднимают деревянные мосты на воротах гражданских. Во время частых войн ромеи замуровывали эти гражданские ворота, а мосты, ведущие к ним, предавали огню. Сейчас, благодарение Христу, в империи царил мир, лишь далеко, на восточных границах, было тревожно. Но кто может поручиться, что мир сохранится завтра, что не нарушит ночную тишину свист оперённых стрел и грохот могучих стенобитных орудий?

Спафарокандидат Кевкамен Катаклон торопливо пробирался между высокими домами. Под ногами его, обутыми в сапоги из сафьяна, чавкала уличная грязь. Уже совсем стемнело, когда впереди в свете факелов показались каменные ворота со статуей Афродиты.

Катаклон набросил на голову куколь и опасливо огляделся. Неприятное это место – квартал Зевгмы. Здесь располагаются портовые кабаки, полные простонародья, и пышногрудые гетеры предлагают отведать их ласк. Всякую ночь чернь устраивает в тавернах пьяные драки, смех и шутки блудниц чередуются со стонами и воплями, а искристое вино соседствует с длинными ножами, какими грубые рыбаки чистят рыбу.

«Только бы не повстречался кто знакомый. Позор на весь город». – Кевкамен быстро юркнул под массивную арку, едва не бегом миновал каменное крыльцо таверны с омерзительно скрипящей дверью, за которой слышались громкие пьяные голоса, и метнулся к приземистому, крытому черепицей домику с затянутыми бычьим пузырьём крохотными оконцами. Он осторожно постучал в дощатую дверь и беспокойно прислушался.

Вдали раздались шаркающие медленные шаги. Дверь с тихим скрипом отворилась. Свет свечи ударил Кевкамену в лицо.

– Кто здесь? – проскрежетал приглушённый старушечий голос.

– Мне надо увидеть Анаит. Пусти, добрая женщина. Неужели ты не узнала меня? Я был здесь вчера.

– Узнаю, – сгорбленная старуха в домотканом платье из грубого сукна впустила его в дом.

Катаклон очутился у подножия крутой каменной лестницы.

– Она наверху, – указала старушка.

В три прыжка одолев лестничный пролёт, Кевкамен ворвался в длинную узкую камору с сырыми голыми стенами. У затянутого бычьим пузырьём подслеповатого окна стояла молодая девушка в старом поношенном цветастом платье восточного покроя из дорогого сукна. Две тонкие чёрные косы, в которые вплетены были разноцветные ленточки, струились у неё за плечами. В больших миндальных очах, отражающих пламя горящей на деревянном столе свечи, читалась глубокая печаль.

Вообще, всё в её облике казалось удивительным и поражало необычной, сказочной даже красотой: высокий, но не чрезмерный рост, алые чувственные уста, прямой тонкий нос,

⁴² Юстиниан (483–565) – император Византии, правил с 527 года. При нём империя достигла наивысшего расцвета.

⁴³ Инсулы – дома бедноты.

маленькие ушки со старинными серебряными серьгами, словно вырисованные кистью художника брови, глаза с длинными ресницами, смуглая кожа, слегка выступающие скулы.

Кевкамен резко остановился на пороге, молча любясь красотой молодой армянки.

О, Боже! Есть ли в мире бóльшая красота, чем та, что заключена в этом хрупком теле?! В нём будто собрана и соединена вся земная прелесть, всё необыкновенно прекрасное, что только способно и совратить, и погубить, и спасти! Анаит – так звали языческую армянскую богиню, покровительницу плодородия. Кевкамен слышал о древнем храме, в котором хранилась золотая статуя этой богини.

– С чем пришёл ты сегодня? – хмурясь, нарушила затянувшееся молчание девушка. Голос у неё был тонкий, мягкий, поэт сравнил бы его с журчанием ручейка на дне лесного оврага.

Катаклон вздрогнул, он вышел из состояния некоего оцепенения. Прочь сомнения! Он должен покорить эту упрямую, недостижимую пока красоту, должен овладеть ею, пути назад у него нет! Сколько можно мучиться, страдать, отчаиваться, видя холодную насмешку в миндальных очах?!

– Мой приход неслучаен, прекрасноликая, – прокашлявшись, начал Кевкамен. Он чувствовал, как щёки его заливает румянец, пальцы рук предательски дрожат, а сердце колотится так сильно, что, кажется, готово выскочить из груди. – В прошлый раз ты говорила... У тебя никого нет... Родных никого...

– Если исключить тебя, Катаклон, – холодно заметила девушка. – Ты ведь дальний родич моей покойной матушки.

– Помочь тебе некому. Отец твой умер. Он был еретик, тондракит, отрицал загробную жизнь, злобно кощунствовал, не верил в бессмертие человеческой души. Одним словом, он был безбожник.

– Мог бы и не напоминать об этом! – перебила его Анаит. Лицо её выражало гнев и недовольство. – Да как ты вообще смеешь упрекать моего отца! Ты что, пришёл причинить мне новую боль?!

– Нет, я просто хотел предупредить о трудностях, тебя ожидающих, и помочь найти способ от них избавиться. Твой отец получил заслуженную кару. Но ты – ты неповинна в его грехах.

– Чем ты можешь помочь? Разговорами, утешениями? Я не нуждаюсь в них.

– Глупая гордычка! – прошептал Катаклон, с ног до головы окинув взглядом вытянувшуюся в струнку девушку, и громко, вслух добавил: – Нет, не утешать я пришёл. Какой смысл в пустых словах? Ты права. Посмотри, где и как ты живёшь. Нищета, мрак. В квартале Зевгмы обитают одни гетеры и портовая чернь.

– Перестань, Катаклон! – Анаит поморщилась. – Не считай меня глупой наивной девчонкой. Я достаточно вынесла после смерти отца. Всё наше имущество конфисковали, я давно привыкла к бедности. Наконец, я вполне познала жизнь гетеры... Да, ромейский вельможа, познала... – Она натянуто рассмеялась, увидев, что Кевкамен отшатнулся от неё, как от чумы.

– Ты... В портовой таверне?... Услаждала грязных моряков?

– А чем эти моряки хуже вас, холёных патрициев, которые на денёжки состоятельных родителей выучились в университете? – бросила ему в лицо Анаит. – Поставь любого из вас в тяжёлые условия – вы разноеетесь, как шакалы.

– Ты говоришь непотребное, – перебил её Катаклон. – Нечего сыпать незаслуженные упреки на мою голову. Речь идёт о другом. Я хочу вытащить тебя из этой нищеты, из этой грязи. Одно твоё слово, и ты забудешь дорогу в мерзкий кабак. У тебя будет многое: драгоценности, положение в обществе, красивый дом. Пусть я не Цезарь, но и не простолюдин. Скажу прямо: я мечтаю и надеюсь достичь на службе у базилевса многих милостей. И для этого есть предпосылки.

– Какова же цена твоей доброты, твоей помощи? – нетерпеливо спросила Анаит.

– О прекрасноликая! Лишь один раз повстречав тебя, я воспылил неистовой страстью!

– Ах, вот в чём дело! – Уста девушки тронула презрительная усмешка. – Как я была права! Ты ничем не отличен от простого моряка или мелкого купчишки. Те тоже «пылали страстью»!

– Я не об этом. Как ты можешь сравнивать?! – В тёмных глазах Катаклон полыхнул гнев. – Анаит, мои намерения более чем чисты и серьёзны. Я прошу... Я молю... Выйди за меня замуж. Избавишься от нужды. Навсегда, навсегда! Забудешь таверну и весь этот мелкий сброд.

– И ты думаешь, что брак и любовь так же легко покупаются, как и женское тело?

– А ты предпочитаешь, чтобы твоё тело покупали все, кому вздумается?

– А ты хочешь запереть меня в гинекее⁴⁴, чтобы я света Божьего не видела?

– Я спасаю тебя от нищеты, неразумная.

– Меня не надо спасать. Я сама обрету выход.

– При такой жизни годам к тридцати ты превратишься в никому не нужную жалкую старуху. Люди будут плевать, встретив тебя на улице. Не говорю уже о возможных болезнях, о недоедании. К чему упрямая гордость твоя, Анаит? Не губи себя в этом мире низменных страстей!

Последние слова Катаклон почти выкрикнул.

Девушка молчала, теребя пальцами пряжку холщового пояса. Кевкамен вдохновенно закончил:

– Есть ли на свете душа, более преданная тебе, любящая тебя более искренне и нежно? Нет, прекрасноликая. Все сокровища мира – ничто в сравнении с твоей красотой!

– К чему эти высокие слова? Ты не на уроке риторики, – нервно усмехнулась Анаит. – Ты захотел воспользоваться моей беззащитностью, моей беспомощностью, скудостью моих средств.

– Если бы ты была богата и не нуждалась в заботе, я поступил бы так же: сделал тебе предложение.

– Всё у тебя предусмотрено. Кроме одного: в любви должна быть взаимность. А я не люблю тебя, Катаклон. А выйти замуж, только чтоб покончить с ремеслом гетеры... Я должна подумать.

– Помни, что ты дочь спасалара⁴⁵, что происходишь из знатного рода, одного из лучших в Васпуракане.

– Я помню, Катаклон. Прошу, оставь меня. Всё надо взвесить ещё и ещё раз. Иди, – Анаит бесцеремонно указала на дверь.

– Дозволь задать последний вопрос, прекрасноликая.

– Говори.

– За что ты недолюбливаешь меня?

– А я и сама не знаю, Катаклон. – Девушка вдруг засмеялась, звонко, заливисто. – Просто не доверяю мужчинам с кошачьими движениями и длинными речами.

– Твой смех напоминает хохот блудницы, – мрачно заметил Кевкамен. – Но пусть будет, как ты желаешь. Я приду через два дня. Ты должна решиться, Анаит. Подумай, хорошенько подумай. Другой возможности тебе не представится.

Он вышел, осторожно притворив за собой дверь.

Девушка долго стояла у окна, перебирая дрожащими от волнения руками цветастые чётки.

⁴⁴ Гинекей – в Византии женская часть дома.

⁴⁵ Спасалар – военачальник в средневековой Армении.

6

Быстроходная скедия⁴⁶ торжественно проскользила по лазоревым волнам залива к серой каменной стене с четырёхугольными башнями. Дивный вид открывался отсюда, с места, где узкий Золотой Рог вливается в величавый Босфор. На холме за стенами виднелись Золотые императорские палаты, возле них возвышался дворцовый собор, также богато украшенный, отделанный золотом и серебром. Вокруг тянулись рядами, вперемежку со стройными кипарисами, роскошные дворцы, а над всем этим великолепием возносился к небесам храм Святой Софии Премудрости, с громадным куполом, как венец огромного города.

Воевода Иванко и сопровождавшие его Любар и Порей, разодетые в длинные ромейские одежды из дорогого бархата, качали головами. Впечатление было такое, что соприкасались они сейчас с чем-то великим и непостижимым доселе, дух захватывало от всей этой красоты, она была в глаза, кичливо и надменно возносилась и словно бы давила, давила на них своей несокрушимой победоносной громадой.

Воевода, чувствуя, как тяжело стало вдруг дышать, расстегнул верхнюю застёжку на ферязи⁴⁷.

Бывший тут же, рядом с русами Кевкамен говорил почти без умолку:

– По правую руку – приморский дворец Буколеон, вот это – Большой дворец, или Палатий. Крытыми переходами он соединён с собором Софии. Слева – Магнавра. Там, в тронном зале, вас примет базилевс. К Большому дворцу примыкают строения ипподрома – видишь, друнгарий Иван, пояс трибун вокруг арены? Если когда-нибудь побываешь на ипподроме, увидишь многие колонны и статуи. Особенно прекрасна статуя Геракла. Это работа самого Лисиппа, прославленного на все века скульптора.

Скедия остановилась у входа в царский дворец. Иванко и его спутники оказались на вымощенном мрамором широком дворе. У ворот несли службу эскувиты – плечистые варяги и нурманы в тяжёлых булатных доспехах, с копьями в руках. Здесь же вдоль стены стояли вылитые из меди огромные статуи почивших императоров и высокие столпы из мрамора.

– Феодосий Великий... Анастасий Дикор... Юстиниан... Лев Мудрый... Роман Лакапин... – тихо говорил Катаклон. – Эти великие правители прославили империю ромеев и сделали её величайшей в мире. Мы – наследники, носители традиций Эллады и Рима.

Посередине двора помещался гигантских размеров четырёхугольный столп, составленный из нескольких столпов и сводов. На нём возвышался большой крест и две статуи, обращённые лицами на восток.

– Равноапостольный император Константин! Основатель нашего города! – рассказывал, захлёбываясь от избытка чувств, Кевкамен. – А рядом – равноапостольная святая императрица Елена, его мать! Это по её велению обрётён был и воздвигнут на Голгофе Святой Крест, на коем распят был Господь наш.

– А то что за статуя, с нимбом? – спросил Любар о помещённой к востоку от гигантского сквозного столпа ещё одной скульптуре.

– Это тоже император Константин. Вокруг головы его – сияние. Оно сделано из гвоздей, которыми был пригвождён к Кресту Спаситель.

– Ну уж, из тех прямь? – Любар недоверчиво качнул головой.

– Молчи, нечестивый! – зашипел на него Катаклон. – Как ты смеешь насмехаться над святыней и иметь сомнение в том, что не подлежит сомнению?!

⁴⁶ Скедия – небольшой корабль.

⁴⁷ Ферязь – род кафтана, без ворота.

Ко двору примыкал, с одной стороны, храм Святой Софии, а с другой – императорский дворец. Поражённых красотой и роскошью русов провели через анфиладу просторных залов.

Кевкамен тихим голосом коротко пояснял:

– Эрос – зал оружия... Триклин девятнадцати аккумулятов... Портик Золотой Руки... Орология – зал часов.

Сонм придворных в красочных парадных одеяниях ожидал в залах выхода базилевса. Каждый чин занимал здесь определённое место согласно строго заведённому порядку. Низшие толклись в помещениях вдали от Золотой палаты, высшие – патриции и магистры – стояли с надменными выражениями на лицах у входа в приёмный зал дворца Магнавры.

Русы проследовали через галерею Триконха – огромных размеров тронный зал в два этажа. Нижний этаж опоясывала галерея с тонкими мраморными колоннами.

Залы дворца изумляли своим богатством: повсюду сияла золотая, серебряная и фарфоровая посуда, на стенах висели персидские ковры, драгоценные камни украшали чаши, кубки, узкогорлые лекифы⁴⁸, оклады икон, пёстрые мозаичные изображения животных. Крыша зала Жемчуга покоилась на восьми колоннах, а пол выложен был дорогим пелопоннесским мрамором. Шесть колонн из фессалийского зелёного мрамора поддерживали золочёную крышу зала Камиласа. Стены этого зала тоже украшала мозаика. Русы с восхищением рассматривали фигуры людей, собирающих плоды, сцены охоты, в зале Эроса они увидели картины оружия.

Кевкамен отстал от гостей и, согласно этикету, скрылся в толпе таких же, как и он, спарфокандидатов. Строгие диетарии⁴⁹ во главе с примикарием наблюдали за порядком и раскрывали перед Иванкой и его спутниками высокие двери. Наконец русы остановились перед дверью в Большую Золотую палату.

– Как увидите базилевса, падайте ниц, – вполголоса пояснял им полный невысокий грек в белой шёлковой хламиде с вышитыми на ней золочёными крестами. – Вот сейчас появится Великий Папия, стукнет трижды посохом, откроются двери, и вы войдёте в Золотую палату.

– Ни перед кем ещё вы не склонял, – мрачно и твёрдо отрезал по-гречески воевода. – И перед вашим царём не упаду. Предки наши никогда вам, ромеям, не кланялись!

– Отринь свою гордость, доблестный! – в ужасе прошептал толстый грек. – Сейчас ты увидишь такое!..

Но воевода в ответ лишь презрительно усмехнулся и пожал плечами.

Появился Великий Папия – главный управитель дворца, звонко ударил жезлом по мозаичному полу. Широкие позолоченные двери в Большую Золотую палату распахнулись, и трое русов прошли вместе с магистрами и патрициями в тронный зал, весь окутанный голубоватым фимиамом, струящимся из поставленных на полу чаш.

Придворные чины расступились в стороны, многие тут же распростёрлись ниц, услышав голоса воспевающего славословие базилевсу хора певчих. Заиграли серебряные органы, чудная торжественная музыка полилась откуда-то с высоты. Когда фимиаменный дым немного рассеялся, взорам воеводы и его спутников открылась восточная часть палаты. Она была устроена как алтарь в церкви. Ступени из зелёного мрамора вели к огороженному четырьмя столпами царскому месту. Между столпами ниспадали пурпурные занавеси из тяжёлого бархата. Возле царского места виднелся золотой орган, блистающий самоцветами, жемчугами и украшениями.

Медленно раздвинулись пурпурные занавеси, и в глубине алтаря русы увидели золотой трон, весь усыпанный драгоценными камнями, сверкающий, казавшийся порождением некоей божественной силы. В жизни никогда не видевшие такой красоты и великолепия молодые

⁴⁸ Лекиф – узкогорлый восточный кувшин.

⁴⁹ Диетарий – дворцовый чиновник, примикарий – глава диетариев.

Любар и Порей растерялись и с испугом стали озиаться по сторонам. Только твёрдость и спокойствие Иванки не позволили им, подобно ромейским патрициям, рухнуть на колени.

Наверху, над их головами, размещался огромный свод с изображением Господа Вседержителя, восседающего на престоле.

На царском троне сидел в нарядном дивитиссии⁵⁰, в золотой диадеме на голове молодой благообразного вида человек с короткой каштановой бородой. Светло-серые глаза его с видимым любопытством скользили по лицам русов.

В сторонке ниже трона в обитых парчой креслах Иванко увидел нескольких мужчин – это были члены императорской семьи. Среди них выделялся безбородый тучный человек: по описаниям Катаклона, это был всеильный евнух Иоанн, дядя императора.

По левую руку от трона, в голубом далматике и оплечье с золотой перевязью, в диадеме на голове восседала императрица Зоя. И её Иванко узнал по рассказу Катаклона: густые белокурые волосы, тёмные красивые глаза, слегка орлиный нос, густые брови. На вид базилиссе было лет сорок, хотя Иванко знал, что ей далеко за пятьдесят. Делали своё дело притирания, мази, благовония, на которые базилисса была мастерица и которые своими руками изготавливала у себя в гинекее.

На ступенях перед престолом покоились золотые львы. При приближении русов они вдруг, как живые, поднялись на лапы с рёвом и рычанием. Только-только львы успокоились и улеглись, как послышался птичий щебет. Иванко обратил внимание на золотое дерево неподалёку от трона. На ветвях его сидели во множестве изукрашенные драгоценными самоцветами птицы, издающие стройное пение.

Базилевс вместе с тронном внезапно стал подниматься вверх, к сводам. Пространство вокруг царского места снова наполнилось фимиамным дымом, а когда он рассеялся, император, уже облачённый в другой дивитиссий, голубой, усеянный рубинами, смарагдами, яхонтами и бриллиантами, опять восседал перед изумлёнными русами.

– Падай ниц! – слышался за спиной Иванки злобный шёпот магистров и патрициев. Но он лишь наклонил голову и отвесил императору поясной поклон.

– Невежды! – шептались вельможи. – Говорят, их покойная архонтисса Ольга, когда приезжала принимать святое крещение, едва склонила чело перед порфирородным базилевсом! Какая наглость и самоуверенность!

К Иванке подошёл один из сановников и осведомился о здоровье. Затем заговорил сам базилевс. Голос у него был негромкий, но во всех уголках палаты было отчётливо слышно каждое сказанное им слово.

– Многие пути одолел ты, друнгарий Иоанн. Многие тяготы ждали тебя в восточных странах. Но путеводная звезда указала тебе и твоим спутникам правильную дорогу. Здесь, на земле Святой Софии, в городе равноапостольного Константина, сможете вы обрести великую славу. Империи ромеев нужны храбрые воины, и мы щедро оплачиваем их верность и доблесть.

Снова заиграли серебряные органы, снова рычали и подымались на лапы золотые львы, снова свистели птицы. Иванко, Любар и Порей, кланяясь, вышли из палаты. В галерее Триконха к ним незаметно пристал Катаклон.

– Решайтесь, в конце концов, друнгарий. Сам базилевс предлагает вам остаться.

Иванко, хмурясь, ответил:

– Ныне же порешим, завтра отmolвим.

Они шли по длинным переходам, через великолепные залы и галереи. Уже во дворе очарованный Любар выдохнул:

– Ну и красотища! Отродясь николи таковой не видывал!

– Будто в раю побывали! – вторил ему улыбающийся Порей.

⁵⁰ Дивитиссий – парадная верхняя одежда византийских императоров.

– А впрямь, воевода, куды ж нам отсель? – спросил Любар. – Вот и Гаральд баил, и Катаклон. А топерича и сам царь беседую удостоил.

– А на Русь, стало быть, не торопишься? – с укоризной спросил Иванко.

Любар, шумно вздохнув, передёрнул плечами и ничего не ответил.

...Вечером все русские воины собрались в покое воеводы. Иванко долго молчал, хмурил чело, прохаживался по горнице, не зная, с чего начать разговор. Наконец, махнув рукой, вымолвил:

– Никого не неволю. Кто хочет, пушай остаётся с Любаром служить грекам. А я поплыву с купцами в Русь, к Ярославу. Будь что будет.

– Почто тако, воевода?! – вскочив со скамьи, вскричал Любар. – Что, ждёт тя Ярослав?! Лихо те содеет ще, припомнит бывшее!

– Сердце тоска щемит, друже. Не могу здесь боле. Опостытели приёмы, рожи сии постные, Кевкамен ентот.

– Зато злата сколь! Сто литр в год платить будут! – воскликнул Порей. – А на Руси кто мы? Так, псы прибудные какие-то. Я б тож воротился, аще б тамо мя встречал кто по-человечьи, аще б дом свой был, жёнка тамо, чада. А тако чего?! Не, тута остаюсь!

– И я такожде!

– И я! – неслось со всех сторон.

– Ну вот что, други! – заключил, хлопнув ладонью по столу, Иванко. – Оставайтесь! Одно помните: дом наш – Русь. Николи того не забывайте. И совет вам, а тебе, Любар, допрежь всех: ромейскому сладкоречью особо не верьте. Помните: ромеи – они ножи всегда за спинами держат. И ещё – опасайтесь всякого неосторожного слова. Прямоты здесь не любят, бывшего добра не помнят. Ох, чую, други, лихонько вам придётся! Но отговаривать никого не буду. Сами вы ратники, воины, храбры удатные, разумеете, что да как. Будь по-вашему!

Он горячо облобызался с каждым, а Любару шепнул:

– Помни совет мой, друже. Сторожким будь.

Воевода не знал, не догадывался, насколько справедливыми окажутся его опасения.

...В паруса яростно ударял морской ветер. Быстро удалялась русская купеческая ладья от причалов Константинополя. Прощально блеснул вдали золотой купол дворцового собора, серые четырёхугольные башни с зубчатыми коронами скрывались в окутанной лёгкой дымкой дали. Дружно заработали вёслами корабельщики, белой пеной изошли зеленоватые воды Босфора. Иванко, широко расставив ноги, всё в той же голубой рубахе и узких тувиях, простоволосый, задумчиво смотрел, прикрывая глаза от солнца ладонью, на удаляющийся берег.

Подумалось вдруг: а правильно ли содеял, что оставил там, в Царьграде, молодых своих соратников? Не надо ли было разделить с ними судьбу? Уж кто, как не он, сумел бы разгадать ромейские хитрости и разрубить липкую паучью сеть козней и коварства. Но нет, пересилила тяга к родному дому, к широким русским полям, к их вольному простору, к близким с детства городам за деревянными стенами, ко всему давно покинутому, но незабываемому. Да что теперь мучить себя, зачем страдать и сомневаться? Всё отброшено, мосты в прошлое сожжены!

Решив положить конец тягостным раздумьям, Иванко попросил купца:

– Дозволь-ка, купче, за весло сяду. Силушку в дланях немалую имею. А без дела стоять не привык.

Он стянул с плеч рубаху, сел на лавку рядом с молодым русоволосым гребцом, чем-то очень похожим на Любара, и взялся сильными руками за весло.

...К вечеру ладья вышла из пролива и взяла курс вдоль побережья Понта⁵¹.

⁵¹ Понт Эвксинский – греческое название Чёрного моря.

7

Как и два дня назад, холодная и неприступная стояла Анаит перед Кевкаменом. В той же узкой каморе с сырыми стенами и подслеповатым оконцем, в том же стареньком цветастом платье восточного покроя, задумчивая, полная нераскрытой и недостижимой для молодого ромея тайны, говорила она спокойным уверенным голосом:

– Я подумала над твоим предложением, Катаклон. Я не могу выйти за тебя. Я не люблю тебя. Пусть я блудница, пусть моё тело могут купить, но ты требуешь многого, слишком многого. Тебе мало тела, тебе душа моя нужна, вся, целиком, без остатка.

Кевкамен застыл, униженный, растоптанный её простыми и твёрдыми словами, он не знал, что ему делать теперь и как убедить девушку в обратном. На какой-то краткий миг овладела им злоба – жгучая, тяжкая, но он усилием воли отбросил её. Не время. Он проиграл важное сражение, но не целую войну. Он продолжит борьбу за эту непокорную девку, он знает – женское сердце переменчиво, как ветер на море. Сегодня он относит судно к дальним берегам, а завтра повернёт вспять и погонит к родному дому.

– Я понимаю тебя, Анаит: в твоей душе нет любви. Хорошо, пусть так. – Катаклон взволнованно поднял правую руку. – Но я не отказываю тебе в помощи. Ты узнаешь, насколько любовь моя велика и насколько чисты по отношению к тебе мои намерения.

– В Армении старики говорят: «Многоречивый человек не любит», – прервала его, морща хорошенький носик, Анаит.

– Подожди, не перебивай. – Катаклон опять начинал злиться («Глупая девчонка, гордячка, сломаю твоё упрямство!»).

С трудом сдержав себя, он спокойно продолжил:

– Мне достался в наследство один небольшой дом в городе, на Месе, в квартале неподалёку от церкви Святого Анастасия. Переезжай туда. Я помогу тебе деньгами, со временем ты станешь состоятельной женщиной, будешь носить парчу, паволоку, аксамит.

– Я не могу принимать такие щедрые дары! Я буду зависеть от тебя, Катаклон. Не хочу!

– Предпочитаешь ремесло проститутки в грязных кабаках? – недобро усмехнулся Кевкамен.

Девушка умолкла. Катаклон заметил, как нахмурился её гладкий высокий лоб, как потухли живые огоньки в чёрных глазах, услышал вырвавшийся из её груди глубокий вздох.

Долго взволнованно прохаживалась Анаит по каморе, озирая серые голые стены и убогую обстановку.

– Хорошо, Катаклон. Я согласна, я перееду в твой дом на Месе, – наконец произнесла она после тяжёлой внутренней борьбы. – Я благодарна тебе за заботу и надеюсь, что ты благородный человек. Хотя сильно сомневаюсь в этом.

– Разве дал я тебе повод к сомнению? – Молодой спафарокандидат удивлённо развёл руками.

– Нет. Но повторю тебе сказанное в прошлый раз. Я не верю мужчинам с кошачьими движениями и длинными речами.

– Если только в этом твоё сомнение... Я не виноват. Меня с детства учили риторике, я окончил Высшую школу в Магнавре – Пандидактерион – и выражаться по-другому просто не умею. Если бы посещал ваши грязные таверны, наверное, научился бы говорить иначе – просто и кратко. Но пора прощаться. Уже темно, ночь, мне надо идти. Утром будь готова, я приеду за тобой.

– Хорошо. До завтра.

Катаклон круто повернулся к двери.

Оставшись одна, Анаит села, облокотившись о грубо сколоченный деревянный стол. Грустные думы омрачили чело девушки, стала вспоминать она недавнее прошлое, своё детство в Васпуракане, на берегах солёного Бзунийского моря⁵². Как будто ласковая приморская свежесть ворвалась в утлую камору, на губах Анаит сквозь слёзы проступила слабая вымученная улыбка.

Тяжкие непоправимые беды обрушились на её семью. Отца, почтенного спарапета⁵³, первого полководца Васпуракана, обвинили в ереси, в тондракизме, в безбожии. Помнит Анаит, как надменный ромейский патриций торжественно читал на площади указ базилевса, какая злоба и ненависть искажала лица ромейских вельмож, этих всеильных «повелителей полу-мира», прибравших к рукам многие армянские земли, и в их числе некогда сильное и могущественное Васпураканское царство. Ромеи – Анаит ненавидела их, ненавидела Константинополь с его золотом, богатством, жестокостью.

Её семью выслали во Фракию⁵⁴, у них отобрали все наследственные земли, а имущество передали в казну императора. В нужде и скитаниях по чужим домам умерли отец, мать, бабушка Анаит. Она осталась одна со старенькой мамкой-кормилицей, она страдала, мучилась от холода, сырости, недоедания. И во всех бедах её виновата была эта кичливо-заносчивая, цепкая, не знающая жалости и равнодушная к слезам гордая страна – держава ромеев. Когда не осталось ничего иного, Анаит с мамкой пришли в Константинополь, здесь думали они обрести пристанище. За убогое жильё приходилось дорого платить, мамка подрабатывала шитьём, но этого не хватало. Опять они недоедали, опять едва сводили концы с концами, опять уныло тянулись безотрадные дни. На отчаянный шаг решилась Анаит, за звонкие фоллы⁵⁵ услаждала она в тавернах квартала Зевгмы моряков-простолюдинов. Иногда ей попадались и состоятельные любители женских прелестей, тогда в её доме появлялась хорошая еда или красивое платье. А потом... Анаит не знала, откуда проведал о её бедах этот велеречивый молодой чиновник, армянин, назвавший себя Катаклоном.

Он был красив, обаятелен, но... Анаит поняла с самого начала: он был ромей, он был частью той жестокой кровожадной силы, убившей её родных. И она отказала ему... Потому что не могла не отказать.

Тихо потрескивала в медной чаше толстая свеча. Подперев ладонью голову, сидела Анаит за столом и грустно смотрела на мятущееся жёлтое пламя. Вот так и они, люди, мечутся, спешат куда-то, всё стараются успеть в жизни. А сама жизнь – она подобна этому тусклому огоньку, этой свечке – сгорит, и нет её. Многое пришлось вынести, многое претерпеть юной Анаит, и хотелось ей верить, что наступят иные, лучшие времена. Нельзя человеку жить без веры.

Смахнув с длинных ресниц слезу, девушка слабо улыбнулась.

⁵² Бзунийское море – озеро Ван.

⁵³ Спарапет – главнокомандующий в средневековой Армении.

⁵⁴ Фракия – историческая область на востоке Балканского полуострова.

⁵⁵ Фолл – мелкая медная византийская монета.

8

С длинной секирой в руках, облачённый в лёгкую дощатую бронь, в крылатом шеломе на голове, застыл Любар у высоких дверей одного из императорских покоев. Мимо проходили надменные вельможи в долгих одеяниях, знатные матроны спешили на приём к императрице, служители дворца сновали взад-вперёд с золочёными подносами, на которых возлежали изысканные кушанья.

Начальник этерии, куропалат Гаральд Гардрад каждое утро, гремя доспехами, проверял посты и скупно отчитывал, если замечал какой-нибудь непорядок. Любару нравился этот казавшийся прямодушным суровый воин. Говорили, что он наследник престола далёкой страны нурманов, был изгнан, искал пристанище в Киеве, при дворе князя Ярослава, посватался к его средней дочери Елизавете, но получил отказ и с горя отправился на поиски подвигов и богатства. Один раз Любар слышал в таверне, как, играя на гусях, воспевал Гаральд красу некоей северной девы.

Со временем служба, хотя и не особенно обременительная, наскучила молодому русу. Он чувствовал, что становится словно бы частью этого огромного дворца, навреде какой колонны, скульптуры или красивого кувшина. Важные патриции не обращали на него внимания, беседуя между собой на самые разные темы. Иногда скользнут взглядом, снисходительно усмехнутся или опасливо отступят в сторону при виде острой секиры в крепких руках.

– Красивый юноша, – доносился порой до ушей Любара шепоток юных патрицианок. Он ловил их исполненные неги томные взоры, ощущал исходящий от их тел и пышных одежд аромат терпких аравитских благовоний и вдруг начинал понимать: этот мир и эти женщины – не для него, они – чужие, и жизнь здесь, в этом городе и в этом дворце, чужая, он никогда не сможет, да и не захочет стать ромеем. И думалось с тоской: прав был Иванко. Зря не послушались они, юные горячие головы, мудрого совета искушённого не только в битвах воеводы.

Однажды Любар обратил внимание на молодую женщину – невысокую черноглазую смуглянку с короткой верхней губой, из-под которой посверкивали маленькие белые зубки. Уж очень выразительны были её обворожительные лукавые улыбки. Едва женщина скрылась в долгом сводчатом переходе, Любар не выдержал и спросил стоящего вместе с ним у дверей пожилого нурмана Болли Боллисона:

– Кто сия молодница?

Болли, служивший в Константинополе уже более десятка лет, знал все местные сплетни и слухи.

– Это Спес. Вдова одного богатого патриция. Известная обольстительница. Хитрая, как лиса. Смотри, рус, не попади к ней в капкан. В другой раз я расскажу тебе про неё одну забавную историю. Но тише. Слышишь, сюда идут.

В самом деле, вдали послышались раздражённые женские голоса, зашуршала тяжёлая парча. На пороге палаты у дверей показались две немолодые женщины, в одной из которых Любар узнал императрицу Зою. Головы и плечи обеих женщин покрывали короткие мафори, на пальцах блестели золотые кольца, на ногах красовались пурпурные сапожки. Говорила, громким недовольным голосом, вторая женщина, с длинным, неприятным, густо усеянным морщинами лицом и тяжёлым массивным подбородком. Худая, высокая, черноглазая, она совсем не походила на цветущую Зою, хотя Любар догадался, что это младшая сестра императрицы – Феодора. В Ромее только лицам царской крови разрешалось носить пурпурную обувь.

– Георгий Маниак – храбрый отважный рыцарь, он давно заслужил, чтобы его назначили на должность доместика! Он отвоевал у сарацин Сицилию, показал доблесть и умение в боях на Крите! Зоя, поговори с Иоанном! В конце концов, есть справедливость или нет её у нас

во дворце?! Помни: наш дядя Василий и наш отец, базилевс Константин, ценили преданных и храбрых людей!

Феодора стрекотала без умолку, как сорока. Императрица молчала, надменно, с заметным пренебрежением вздёргивая голову.

Любара и Болли порфирородные не замечали – может, думали, что они не понимают по-гречески, а может, просто привыкли считать этериотов чем-то вроде бессловесного скота – собаки или кошки.

– Я не желаю выслушивать твою глупость! – холодно оттолкнула наконец Зоя, прервав излишние сестры.

Круто повернувшись, она быстрым шагом прошла мимо Любара, с шумом захлопнув за собой тяжёлую дверь.

– Ты пожалеешь об этом! – прошипела сквозь зубы Феодора.

Лицо её исказила злоба. Хрипя и изрыгая ругательства, она проскользнула обратно в долгий переход. На стене от колебания воздуха колыхнулись свечи.

– Ну и ведьма ж, – пробормотал Любар.

– Молчи, неосторожный! – цыкнул на него Болли. – Помни: во дворце любое случайно брошенное слово может причинить великий вред! Стой себе и не суй нос в их дела!

Любар вздохнул и потряс головой. С новой силой вспыхнуло в душе его желание воротиться домой, на Русь. Что, в самом деле, забыл он здесь, в Константинополе? Польстился на сто литр злата в год! Конечно, деньги немалые, но разве в Киеве в княжеской дружине он имел бы намного меньше? Зато служил бы, зная, для чего и зачем. А тут? Не суйся, молчи, стой столбом у опостылевшей двери! Да плевать на литры! Каждый день глядеть на эти постные рожи – нет уж, насмотрелся, хватит!

Неведь на что решился бы Любар, но вдруг появился перед ним, словно из стены выплыл, толстый евнух Иоанн. Подошёл тихо, крадучись, опасливо озираясь по сторонам, и спросил шёпотом:

– Эй, этериот! Ты скиф? Впрочем, неважно. Да, да. Вижу крепость твоих мышц. Ты понимаешь меня, говоришь по-гречески?

Любар кивнул.

– Не совсем ещё твёрдо, светлый патриций, – оттолкнул он. – Но уразумел всё, что ты сказал.

– Меня радуют твои слова, – Иоанн натянуто, через силу улыбнулся. – Сегодня вечером мне будут нужны твои услуги. Проводишь меня в дом к одному важному сановнику. Да, да. Но держи рот на замке. Иначе можешь лишиться языка. Да, да.

С приглушённым смешком евнух юркнул в темноту галереи.

В ушах Любара ещё долго стояли его последние слова, молодец хмурился, смутно осознавая, что волей-неволей впутывается в скользкое неприятное дело.

С волнением и даже нетерпением ожидал Любар, когда над городом сгустятся сумерки. Гаральд произвёл смену стражи, и он отправился отдыхать в отведённые этериотам покои дворца. Здесь за широким столом варяги, нурманы и русы играли в зернь, из-за настёж раскрытого окна доносился шум – там этериоты мерились силой и соревновались в стрельбе и умении обходиться с лошадьми.

– Болли, слышал ты, что говорил проэдр Иоанн? – спросил Любар, едва они, стянув с плеч кольчуги, расположились рядом с товарищами.

– Не слышал и слышать не хочу! – недовольно сопя, отрезал нурман.

Любар искоса взглянул на его рыжую бороду, широкие усы, перерезанный глубоким шрамом лоб и ещё раз подумал, сколь же чужие и равнодушные к его судьбе люди обитают здесь, в этом Константинополе. Вот Болли... Он не хочет ввязываться ни в какие дела. Вокруг будут твориться преступления, литься потоки безвинной крови, а он так же спокойно будет стоять у

дверей императорских покоев с бесстрастными стеклянно-серыми глазами и секирой, готовой опуститься на голову всякого, на кого укажут проэдр Иоанн или сам базилевс.

Душа молодца протестовала против такой жизни, хотелось ему воли, свободы, простора.

Любар подошёл к окну. Вечерело, за горами на западе потухало, разбрызгивая по городу свои жёлтые лучи, золотистое солнце, выглядывало из-за тёмно-зелёных вершин, било в глаза, отражалось в свинцовых куполах городских соборов. Любар почувствовал, как сильно стучит в груди сердце. Что-то будет сегодня? Какую хитрость задумал этот противный многоречивый евнух? В какое дело хочет он его втянуть?

– Эй, Любар! Оглох ты, что ли?! – потряс его за плечи Порей. – Во дворец ты кличут. Патриций Иоанн вестника прислал. Ступай вборзе!

Торопливо шагал Любар по мраморным и мозаичным плитам, гулко отдавались его шаги в огромных роскошных залах.

Придворный диетарий впустил молодца в просторный покой с мраморными колоннами и фонтаном посередине. Густая лоза обвивала колонны, зелёный шатёр колючего плюща окаймлял высокий сводчатый потолок, искусно сделанный из разноцветного стекла.

Евнух Иоанн полусидел-полулежал на широкой скамье.

– А, это ты, этериот. Долго заставляешь себя ждать, – сердито буркнул он, жестом подзывая к себе вестиария-облачателя, держащего в руках тёмно-серый плащ с куколем⁵⁶.

Любар отвесил всесильному проэдру глубокий поясной поклон. Снисходительно усмехнувшись, Иоанн взмахом руки дал ему знак выпрямиться и, облачившись в плащ, строго сказал:

– Иди за мной. И смотри по сторонам, не зевай. Если по пути нападут разбойники, угости их своим мечом. Поспешим.

Через анфиладу залов они вышли к узкой крутой лестнице и спустились в тускло освещённую галерею с восьмигранными столпами. Где-то впереди заскрипела дверь. Иоанн вздрогнул, резко остановился и шепнул Любару:

– Иди вперёд. Посмотри, кто там скрипит.

Осторожно ступая, молодец подошёл к массивной, обитой железным листом полукруглой двери, взялся за ручку и медленно потянул на себя. Дверь снова заскрипела и без усилия отворилась. Свежий вечерний ветер ударил Любару в лицо. Было темно; в призрачном свете, льющемся из окон дворца, он разглядел удаляющегося через императорский сад человека в долгом одеянии.

– Ну что? – нетерпеливо спросил шёпотом подкравшийся сзади Иоанн.

– Не знаю, кто. Увидел только тень в саду.

Проэдр насторожился.

– Переждём, – сказал он, шёлковым платком вытирая со лба обильный пот. – Здесь чёрный ход из дворца. Никто не знает о нём, кроме избранных. Да, да. Я полагаюсь на твою честность и преданность. Сто литр золота в год – хорошая цена молчанию? А? Как ты думаешь?

– Не жалуюсь, – хмурясь, отозвался Любар.

– О сегодняшнем ты должен молчать. Будь нем как рыба. Никто не должен знать, куда и зачем я иду. Да, да. Но, кажется, вокруг покой и тишина. Наверное, это служитель ходил по саду. Идём вдоль стены и за ограду.

Они быстро миновали сад, пробрались вдоль высокой решетчатой ограды, обогнули фонтан у входа и достигли узкой двери, ведущей на городскую улицу. Иоанн достал тяжёлый ключ и проворно повернул замок.

– Путь открыт, – пробормотал он. – Эй, скиф! Иди снова вперёд. И оглядывайся почаще. Иди прямо, а дальше я тебе всё скажу.

⁵⁶ Куколь – капюшон.

Проедр плотно закутался в плащ и набросил на голову куколь.

Сколько времени и куда они шли крадучись по улицам, сворачивая в какие-то подворотни, Любар после не смог бы сказать.

Наконец впереди засверкали огоньки факелов.

– Это Меса. Бани Зевксиппа. Торговцы шёлком жгут светильники. «Дом света», – счёл нужным пояснить Иоанн.

– Но откуда совсем близко от дворца. Зачем мы столько петляли? – недоумённо спросил Любар.

– Молчи! Так надо! Что-то ты мне не нравишься! Задаёшь глупые вопросы! – злобно прошипел евнух. – Да, да.

Чуть не бегом они пересекли Месу и снова углубились в малознакомый Любару район города с многоэтажными домами и узкими кривыми улочками, затем свернули направо, вышли снова на Месу и повернули от Амастрианской площади к форуму Аркадия.

– Это здесь. – Иоанн указал на ворота высокого кирпичного дома.

Свет луны нежно падал на отделанную мрамором узкую дорожку у входа и обливал полукруглую крышу. За оградой возле дома виден был фонтан и небольшой водоём – пруд или озеро, Любар различил даже лёгкую рябь на воде от порывов усилившегося ветра.

Иоанн трижды постучал в ворота, которые тотчас бесшумно открылись.

– Ты стой тут и никуда не отлучайся! – приказал проекдр Любару, скрываясь во тьме.

Молодца окутал мрак. Прислонившись к каменной стене, он стоял, стараясь не шевелиться, и крепко сжимал рукоять длинного меча, спрятанного под полый плащ. Ожидание показалось ему долгим, он то подымал взор и смотрел на звёзды, то беспокойно прислушивался, но, кроме стрекотания светлячков, никакой звук не доносился до его ушей. Он вглядывался в темноту, но видел перед собой только смутные контуры дома напротив и острые копы кипарисов. Даже не заметил сначала задумавшийся молодец, как появился снова рядом с ним евнух.

– Пойдём обратно! – Иоанн повелительным жестом увлёк Любара за собой.

Юноша ни о чём не спрашивал, да и зачем было ему знать лишнее. В конце концов, есть ли ему дело до всех этих козней и интриг, что плетутся вокруг императорского дворца.

Назад они шли другой дорогой – через форум Константина, Милий и лавки торговцев благовониями.

С моря повеяло прохладой, стал слышен рокот прибоя. Вокруг стояли дома и усадьбы знати, между ними змеились кривые, мощёные камнем улочки. Уже стал виден в лунном свете купол собора Софии, когда вдруг от стены одного из домов отделились четыре тёмные фигуры в длинных плащах. Раздался звон оружия.

Иоанн задрожал от страха.

– Ну, твой час пробил, скиф, – прошептал он, бросаясь куда-то в сторону.

– Вот он, проклятый евнух! – слышались громкие крики.

Четверо неизвестных обступили Любара, видимо, приняв его в темноте за проекдра. В руке одного из нападавших сверкнул обнажённый меч.

– Что, узнал меня?! Для твоей головы точил я сегодня своё оружие!

Любар резким движением вырвал свой меч из ножен.

– Это наёмник! Проклятый евнух опять удрал от нас! Проклятие! – в отчаянии воскликнул другой незнакомец.

– Ничего! Заколем наёмника, найдём затем и его хозяина. Далеко он не убежит! Эй, этериот, грязная скотина! Защищайся, если сможешь! – со злобой прохрипел первый нападавший, замахиваясь на Любара мечом.

Как молния, обрушил он на молодца страшной силы удар, но Любар успел отскочить и ударил противника сбоку. В ответ раздались стоны и ругательства. Уворачиваясь, Любар

отражал сыпавшиеся со всех сторон удары. Отчаянно отбиваясь, он отступал к стене дома, чувствуя, что силы покидают его. Ныло раненое плечо, он ощущал острую боль в правом бедре и в груди. Уже плыло всё перед глазами, когда сумел он последним яростным ударом рассечь голову одному из врагов. Выронив меч и коротко вскрикнув, нападавший тяжело, как мешок, повалился на мостовую. Тут же Любар получил новый удар мечом в грудь и, захлёбываясь от крови, упал навзничь возле каменного крутого крыльца.

– Оставь его! Пусть подышает тут! – властным голосом промолвил один из нападавших. – Надо бежать скорее! Проклятый евнух! Куда он мог запропаститься? Нигде его нет! Как в воду канул! Эй, Николай! Посвети факелом! А я посмотрю, что с Георгием! Проклятие! Этот наймит убил его! Бросим его тут! Некогда разбираться! Пошли! Евнух поднимет тревогу, прибегут эскувиты⁵⁷!

Любар услышал стихающий вдали топот ног. Дверь над крыльцом осторожно приоткрылась, и лицо израненного молодца озарил яркий факел.

– Неси его в дом! Быстрее! – раздался над головой Любара тонкий женский голос с сильным акцентом.

Больше он ничего не помнил, память застлал туман, лишь какие-то мутные видения возникали порой перед глазами, сливаясь в один непонятный запутанный клубок. Временами Любар ясно видел персидские ковры на стенах, высокий побелённый потолок, слышал глухие отдалённые голоса, но затем всё это пропадало, молодца окружала тьма, словно бы южная беззвёздная ночь окутывала его; иногда мелькала где-то вдали, угасая, одинокая звезда. Потом внезапно появлялось над Любаром женское лицо, прекрасное и молодое, он слышал тонкий голосок, от которого сердце охватывал трепет. Но лицо и голос быстро таяли, будто растворяясь в тумане, их сменяла некая грустная мелодия, льющаяся откуда-то сверху. Вдруг возникла в горячечном бреде новая картина – Любар видел родные русские поля, деревню, хаты на холме над речкой, пронизывающей землю голубой жилкой. На обескровленных устах молодца проступала улыбка, он старался вдохнуть в себя запахи родного дома, но глухо кашлял, и снова мрачная ночь нависала над ним, накатывала, как грозовая туча, и не было ему от этой чёрной непроницаемой тьмы никакого спасения.

⁵⁷ Эскувиты – воины дворцовой стражи.

9

Спафарокандидат Кевкамен Катаклон в отчаянии кусал губы. Вот уже в который раз все- сильный проэдр Иоанн проходит мимо, не замечая его красноречивых умоляющих взглядов. Где же обещанный ему высокий придворный титул, где милости, где та награда, ради которой он без малого месяц обивал пороги дома русов на Мамме?! Он добился, достиг своей цели, он проявил изобретательность, упорство и выполнил возложенное на него поручение с блеском. Ведь все русы, кроме гордого неподступного Иванки, остались в Константинополе и приняты теперь на службу к базилевсу. Даже лучше, что воевода уехал в свой Чернигов: без опытного, искушённого в хитростях жоака русы будут как дети. Но нет – проэдр, видно, забыл об услугах Катаклона, он упрямо воротит от него свою надменную круглую голову.

Кевкамен тяжело вздыхал и сжимал руки в кулаки.

Как-то во время одного из бесчисленных выходов императора к нему подошёл старый знакомый, патриций Константин Лихуд.

Константин Лихуд преподавал право и риторику в столичном университете и был известен среди знати своей учёностью и знанием законов. Не так давно юный Катаклон обучался у него языковым и юридическим премудростям.

Высокую фигуру важного сановника облегал длинный узкий белый лор⁵⁸ с тёмно-синей каймой из дорогого шёлка. Слегка вытянутое лицо его, на котором резко выдавался большой горбатый нос, обрамлённое короткой каштановой бородкой, всё испещрённое морщинами, расплылось при виде Катаклона в широкой улыбке.

– Полихронион!⁵⁹ Приятно встретить одного из своих лучших учеников, – мягко, елеиным голосом заговорил Лихуд. – Да, Кевкамен, вот ты и ступил на стезю государственной службы. Я вижу, ты хмур, чем-то недоволен. Скажи, может я сумею помочь.

– Я рад видеть тебя, достопочтимый патриций, – низким поклоном приветствовал его Кевкамен. – Но что тебе до моих мелких забот? Они не стоят твоего высокого внимания.

– Нет, поверь, я воистину хочу помочь тебе, Кевкамен, – Лихуд подал ему руку. – Ваш выпуск был одним из лучших в школе Магнавры. Счастливые были времена! К сожалению, теперь об этом остались одни воспоминания. Судьба безжалостно разбросала всех вас в разные концы империи. Знаешь, где сейчас Неофит – моя самая большая надежда? Уехал в какой-то там городок на Гипанисе, принял священнический сан, несёт свет христианской веры в тёмные души славян. Вот как. А добрый приятель твоего отца Константин из Далассы! Говорят, он впал в немилость и сослан на остров Митилена. Ты слышал об этом, Кевкамен?

– Ты говоришь о Константине Мономахе? – сдвинув брови и опасливо озираясь, пробормотал вполголоса Катаклон.

– Да, о нём. Мономах⁶⁰. Странная фамилия. И к нему совсем не подходит.

– Да, я слышал, что он впал в немилость.

– Вот что, Кевкамен. – Лихуд неожиданно перешёл на шёпот. – Сегодня же, прошу тебя, посети мой загородный дом. Это в Эвмолах, ну да ты ведь знаешь. Я постараюсь кое-что для тебя сделать. Похоже, начинается большая интрига. Будь во всеоружии. Готовься. И главное: никому ни слова о нашей встрече.

Мимо прошли несколько патрициев. Лихуд с любезной улыбкой приветствовал их и сделал Кевкамену знак, что разговор пока закончен.

⁵⁸ Лор – одежда знатных лиц в виде длинной узкой пелены.

⁵⁹ Полихронион! (греч.) – Многая лета!

⁶⁰ Мономах – значит «единоборец».

С трудом дождался молодой спафарокандидат конца долгой торжественной церемонии. Никем не замеченный, он выскочил за ограду дворца и едва не бегом бросился домой. Надо было тщательно обдумать сказанное Лихудом, но мысли путались, всё тело било как в лихорадке.

Что задумал Лихуд? Зачем он понадобился этому хитрому дворцовому интригану? Наверное, опытный сановник хочет впутать его в какое-нибудь тайное рискованное дело. Что ж, он готов на всё, только бы получить сан патриция. Будет власть, золото, он добьётся, непременно добьётся славы, он повернёт лицом к себе капризную фортуна, и, наконец, щедрыми дарами и любовью он покорит сердце гордой красавицы Анаит.

Катаклон вытер со лба пот и улыбнулся. Надо верить, надеяться и иметь хоть малую толику терпения.

...С робостью и волнением прошёл Катаклон, сопровождаемый слугой в ярко-фиолетовой короткой тунике, в широкую залу, уставленную столами, крытыми белыми скатертями, с драгоценной фарфоровой и серебряной посудой. Высокие лекифы арабской работы, персидские вазы из голубого фарфора, блюда с изображениями сказочных птиц, красочные росписи на стенах – всё это на миг ослепило молодого человека. Он приложил руку к сердцу и отвесил хозяину глубокий поклон.

Лихуд с тою же ласковой улыбкой приветствовал его.

– Вот и наш юный друг, – обратился он к двоим восседающим за столами мужам в долгих белых придворных одеяниях. – Кевкамен Катаклон, спафарокандидат.

– Не заметил ли ты, юноша, на улице ничего подозрительного? – спросил Катаклона один из мужей, солидный толстогубый человек с чёрной окладистой, как у русов, бородой.

– Нет. Я был внимателен, останавливался, присматривался. Везде царят тишина и покой.

– Хорошо. Надеюсь на твою наблюдательность.

– А также на твоё благоразумие, – хриплым голосом добавил второй гость Лихуда, сухощавый седой старичок, маленький и подвижный.

– Перейдём сразу к разговору о деле, – предложил Константин Лихуд. – Садись на скамью, Кевкамен. Начинай ты, дорогой Михаил Кируларий, – обратился он к чернобородому. – Введи нашего юного Кевкамена в суть дела.

– Могу ли я быть откровенен при этом юноше? – насупив смоляные брови, пробасил Михаил, окидывая Катаклона полным недоверия недобрым взглядом.

– Можешь. Кевкамену тоже досталось от проэдра.

– Проэдра! – скривившись, злобно передразнил Лихуда старичок. – Какой проэдр из этого ничтожного евнуха? Позор империи ромеев – вот кто такой Иоанн Пафлагонец!

– Конечно, ты прав, сиятельный Никифор Кампанар, – любезно улыбаясь, согласился Лихуд. – Но я хотел рассказать вам ещё об одной подлости евнуха. Этому юноше Иоанн обещал сан патриция, если он выполнит данное ему поручение – убедит отряд русов остаться на службе у базилевса. Кевкамен блестяще исполнил свою задачу, и что же? Проэдр и не подумал сдержать своё обещание!

– Какая подлость! – воскликнул Михаил Кируларий.

– Чего ждать от такой крысы, как Иоанн! – проскрипел Кампанар. – Надо обить ему крылья! Сбить ворона с высоты!

Кевкамен сидел поражённый. Откуда Лихуд мог знать о поручении Иоанна и о его обещании?! С подозрительностью и даже некоторым испугом переводил он взгляд с одного патриция на другого.

Лихуд, видимо, догадавшись, какие мысли витают в мозгу юноши, счёл нужным поддержать его:

– Не удивляйся, юный друг, моей осведомлённости. Пока что я слишком нужный базилевсу человек.

Он рассмеялся скрипучим коротким смехом.

– Так я буду продолжать? – спросил, приподняв густую лохматую бровь, Михаил Кируларий.

Лихуд всё с той же ласковой улыбкой согласно кивнул ему.

– Ты, Кевкамен, должен обещать нам, что будешь хранить в глубокой тайне всё услышанное здесь. Поклянись на кресте. – Михаил подал Катаклону большой серебряный крест.

Кевкамен с благоговением поцеловал его и тихо вымолвил:

– Клянусь. Ни одна душа не будет знать.

– Помни, что Господь жестоко карает за нарушение крестного целования, – подняв вверх указательный перст, торжественно изрёк Кируларий. – Но перейдём к делу. Дабы ты разобрался во всём, выслушай меня, спафарокандидат. В столице сейчас есть много недовольных базилевсом Михаилом и его дядей. Патриции не хотят больше видеть над своими головами уродливую фигуру неблагодарного и коварного евнуха. Пора свалить проклятого Пафлагонца! Вот мы и собрались здесь обсудить кое-какие дела.

– В Константинополе сегодня негласно действуют три партии, – перебил Кирулария Константин Лихуд. – Первые, те, что стоят за нынешнего базилевса Михаила Пафлагона и держат сторону евнуха. Вторые – их возглавляет патриарх Алексей Студит, и среди его сторонников друнгарий Георгий Маниак, доблестный, но немного безрассудный воин, – хотят свергнуть Пафлагона и императрицу Зою, а вместо неё возвести на трон Феодору, её младшую сестру. А нам... Нам не нужна ни Феодора, ни пафлагонские евнухи. Мы хотим... Я не случайно вспоминал Константина Мономаха. Этот человек популярен в среде черни, он – обиженный, обделённый, сосланный, пострадавший от притеснений пафлагонской клики. Кроме того, Мономах неглуп, а нынешний базилевс и его дядя думают только о своих барышах, как рыночные торговцы. Во главе империи должен стоять державный муж. Допускаю, что Георгий Маниак хороший военачальник, но... Он человек вспыльчивый и недалёкий. Константин Мономах представляется нам более стоящей фигурой.

Кампанар и Кируларий одобрительно закивали.

– И ты думаешь... Достопочтимый Константин... Мономаха на трон, – пробормотал изумлённый Кевкамен.

У него в голове не укладывалось, как может его старый знакомый, добрый товарищ по университетской скамье его покойного отца восседать на золотом троне.

– А что? – Лихуд развёл руками. – Константин Мономах – человек знатного рода. Первый из известных нам Мономахов, некий Евстафий, выдвинулся ещё более двухсот лет тому назад, в правление базилевса Феофила⁶¹. Он был судьёй. Высокую должность занимал и отец Константина – его звали Феодосием. Но он оказался причастен к заговору против базилевса Василия, дяди нынешней базилисы, и хотя не был казнён, но карьеру свою погубил. После тех событий и его сына не подпускали близко к императорскому трону, пусть он и не подвергался преследованиям. Зато при следующем базилевсе, Романе Аргире⁶², Константин Мономах стал членом синклита, но потом пафлагонская клика, опасаясь его влияния, отправила сего мужа в ссылку. Так что происхождение у него достаточно высокое. К тому же вспомни: в прошлом базилевсами не раз становились даже выходцы из простонародья. Император Юстин⁶³ был обыкновенным крестьянином из Фракии, а Василий Македонянин⁶⁴ – конюхом на императорском ипподроме.

⁶¹ Феофил – византийский император, правил в 829–842 годах.

⁶² Роман III Аргир – византийский император в 1028–1034 годах.

⁶³ Юстин I – император Византии, правил в 518–527 годах.

⁶⁴ Василий I Македонянин – правил с 867 по 886 год.

– А Анастасий Дикор⁶⁵ – простым солдатом, – хрипло добавил Никифор Кампанар.

– В этом нелёгком деле у нас, думаю, появится крепкий союзник, – с улыбкой сказал Лихуд. – Не опасайся, Кевкамен, мы тщательно всё взвесили.

– Какой союзник? – ошалело озираясь по сторонам, почти шёпотом спросил Кевкамен.

– Императрица Зоя. Разве ты не слышал, каким унижениям и какой мерзости подверглась порфирородная? Это она возвела на престол Михаила Пафлагона, своего любовника. И чем ответил он ей? Первое время он ещё строил из себя пылкого влюблённого, а уж потом... Вместе со своим дядей они по сути заточили несчастную в гинекее. Базилисса тяжело страдает от их чёрной неблагодарности.

– Я этого не заметил. – Катаклон с сомнением качнул головой.

– Базилисса умеет великолепно притворяться. Она никому не показывает своих чувств. Таково воспитание порфирородных, дорогой Кевкамен, – постарался рассеять сомнения юноши Лихуд. – Так вот. Мы имеем к тебе важное поручение. Ты тайно поплывёшь на Митилену, к Мономаху. Передай ему: в Константинополе у него много верных друзей. Добейся его согласия на брак с базилиссой. Да, именно так. Мономах и Зоя – вот наш план.

– О деталях пусть он не думает, – добавил Кируларий. – Мы устроим в столице заговор, свергнем базилевса, умертвим Иоанна, Феодору заточим в монастырь. Вот пускай тогда Мономах въезжает в город через Золотые ворота. Мы возденем на его чело диадему. Одно условие, и главное, – брак с Зоей.

– Надеюсь, честолюбия выходцу из Далассы⁶⁶ не занимать, – промолвил Кампанар.

– Не сомневайся, патриций. – Лихуд криво усмехнулся. – Мне ли не знать своего давнего товарища. Он не был очень талантлив, но уж честолюбия... Он всегда брал упорством и желанием... Вот что, Кевкамен. Никому, разумеется, ни слова, куда и зачем ты едешь. Скажешь, к матери во Фракию. В пристани ожидает тебя кумвария «Звезда Вифлеема». Завтра отплытие. И последнее: о награде за свои труды. Получишь сан патриция, может, даже ещё должность стратига⁶⁷ в одной из фем во Фракии.

Кевкамен вздрогнул, глаза его сверкнули огнём вождения. От многоопытного Лихуда не укрылось радостное возбуждение юноши, он хлопнул его по плечу и, как старший младшему, поучительно добавил:

– Вот видишь, дело стоящее. Есть ради чего подвергаться опасности. Ну, с Богом. Иди, уже поздно. И помни: мы – не Иоанн, мы умные люди и не забываем заслуг преданного человека.

Лихуд проводил Катаклона до ограды дома, перекрестил его и обнял на прощание.

Стояла чёрная южная ночь – хоть глаз выколи. Луна скрылась за тучами, моросил мелкий дождик; обжигая холодом, ударял в лицо порывистый северный ветер. Испуганно оглядываясь, скорым шагом шёл Кевкамен по Месе. Сердце его сжалось от страха, когда увидел он впереди выступающую из мрака огромную фигуру. Но тотчас же из груди его вырвался вздох облегчения. Это же статуя императора Аркадия. Как он мог не узнать!

Юноша прибавил шагу. Вскоре впереди показался свет горящих светильников – это были бани Зевксиппа.

– Благодарение Господу! Вот и дом мой виден впереди!

Он набожно перекрестился.

Мятежник! Было что-то страшное, но и одновременно притягательное в этом слове. Прав Лихуд: ему стоит рискнуть. Стратиг фракийский! Как звучит! Мечтательно улыбаясь, Катаклон

⁶⁵ Анастасий I Дикор – император в 491–518 годах.

⁶⁶ Даласса – средневековый город на Евфрате, в Месопотамии.

⁶⁷ Стратиг – управитель фемы, военно-административной единицы.

поднял голову и не заметил около ворот своего дома огромную лужу. С размаху шлёпнувшись в грязь, он злобно выругался, устало отряхнулся и торопливо юркнул за ворота.

...Рано утром Катаклон был у Анаит в доме на Месе. На ступенях крыльца с изумлением и страхом заметил он тёмные пятна крови.

– Что случилось? – нетерпеливо спросил он вышедшую в гостинный зал девушку. – Почему кровь на крыльце?

– Ночью какие-то люди устроили побоище на улице. Мы с Ниной дрожали от страха. Они бились на мечах.

– Подозрительно это. – Кевкамен насторожился. – Ещё не хватало! И так одни неприятности. Вот что, красавица. Мне надо уехать. Ненадолго. Я получил письмо из Фракии, от матери.

Анаит равнодушно пожала плечами.

– Езжай, куда тебе угодно. Какое мне до этого дело?

– И тебе не жаль расстаться со мной?

– Ты ведь сам сказал, что уезжаешь ненадолго, и, по-моему, в прошлый раз мы обо всём с тобой договорились. У тебя своя жизнь, свои заботы, у меня – свои.

С уст девушки сорвался лёгкий смешок.

Кевкамен смотрел на неё неотрывно, с животной тупой жадностью. Вот сейчас бы повалить её прямо на пушистый цветной ковёр, разорвать шёлк на платье, впиться губами в её округлую грудь, зарыться лицом в каштановые распущенные волосы, целовать, ощущать рядом с собой её жаркое, созданное для страсти и наслаждений тело. Но нет, придётся терпеть, ждать. Не время предаваться усладам любви. Его ожидает важная миссия! Прочь дьявольское наваждение!

Катаклон сухо попрощался с Анаит и поспешил на пристань.

Встав у окна, девушка из-за тонкой занавеси смотрела, как он скрылся между прибрежными домами.

– Нина! – окликнула она мамку. – Как наш витязь, он не очнулся?

– Всё в бреду. Я послала за лекарем Петром. Осмотрел бы его раны.

– Вот что, Нина, – Анаит задумчиво провела пальцем по подбородку. – Никто не должен знать, что этот воин здесь, у нас. Кроме меня, тебя и лекаря Петра. И прежде всего надо позаботиться, чтобы о нём не проведал Кевкамен. Ты поняла?

Нина молча наклонила голову и хитровато улыбнулась.

10

В лицо Катаклону летели солёные водяные брызги. Под ногами у него ходуном ходила короткая смотровая лесенка. Пенящиеся волны с седыми гребешками яростно захлёстывали качающуюся из стороны в сторону кумварию, заливали палубу. Отчаянно скрипели натянутые снасти, свирепый ветер рвал высокий косой парус.

Судорожно вцепившись руками в поручни, Катаклон со страхом смотрел на низкое тёмно-серое небо. Над его головой плыли грозовые лохматые тучи, сверкали молнии, гремел раскатистый гром.

– Господи, пошли спасение! Грешен, грешен я! – шёпотом, со страстной мольбой взывал молодой чиновник ко Всевышнему.

Когда уже, казалось, погибели ему не избежать, около полудня мало-помалу развиднелось, ветер стих, море немного поуспокоилось.

«Внял молитвам моим Всевышний!» – Кевкамен, мокрый, всё ещё дрожащий от холода и страха, устало побрёл в предоставленную ему узкую камору, повалился на скамью и забылся чутким беспокойным сном.

Разбудили его крики чаек. Солнце било в крохотное оконце у изголовья жёсткого ложа, вдали слышался мерный плеск волн.

Размяв усталые занемевшие ноги, Катаклон выбрался из каморы на палубу. Солнечный луч неприятно ударил ему в глаза, по щеке покатилась слеза, молодой человек смахнул её рукой и осмотрелся. Вдали по левому борту судна виднелся каменистый берег. Кевкамен различил приземистые глинобитные домики, сады, виноградники, заметил гавань, сплошь усеянную мелкими скедиями и арабскими кубарами с высокими носами в форме сказочных птиц и зверей.

– Где это мы? – спросил он у кормщика.

– Порт Мефимна. Если тебе надо в Митилену, следует плыть вдоль восточного побережья. Отсюда около ста двадцати стадий. Найми лодку. За несколько червонцев любой рыбак отвезёт тебя.

Кумвария подплыла к берегу. Голова Катаклона кружилась, он шатаясь выбрался со схода на сушу и, тяжело вздыхая, поплёлся вдоль пристани. Трудно было сейчас узнать в сутулом человеке, облачённом в мятый суконный плащ, в войлочной шапке на голове столичного придворного. С тоской посмотрел Катаклон на свои огрубевшие, давно не мытые длани с грязными ногтями, заметил мозоль на деснице, сплюнул от негодования и зло выругался.

– Стой! – вдруг раздался впереди громкий зычный голос.

Рослый плечистый воин в блестящей кольчуге и шлеме на голове решительно преградил ему путь.

– Кто ты такой? Почему я должен подчиняться твоим приказаниям? – раздражённо выпалил Катаклон. – А ну, дай мне дорогу!

– Меня зовут Тростейн. Я служу в императорской гвардии. Мне поручено взять тебя, заключить в оковы и доставить в Константинополь! Ты вор и изменник!

– Что?! Да как ты смеешь, нурманская собака?! – воскликнул Кевкамен.

Сердце его захолонуло от ужаса. О Господи! Неужели всё провалено, заговор рухнул и его ждёт ослепление?! Да, именно так, базилевс прикажет ослепить его на глазах у черни, на Амастрианской площади! Позор! Бесчестие! Кошмар! Что же делать?!

Он лихорадочно стал думать, как бы спастись.

В холодных серых глазах нурмана полыхнул гнев, он рявкнул:

– Защищайся! – И выхватил из обитых сафьяном ножен огромный меч.

Катаклон отскочил в сторону, резким движением сбросил с плеч плащ и остался в коротком лёгком доспехе с кольчужными рукавами. Он неторопливо достал свой широкий меч и опасливо огляделся.

Они стояли на песчаном полупустынном берегу, немного в стороне от жилых построек. За спиной Кевкамена покачивались на воде рыбацкие лодки и быстроходные скедии.

– Ну, я жду! Или ты струсил, хочешь сбежать? Не выйдет! Или я убью тебя в честном бою, или отведу на дромон. Но сначала ты мне скажешь, куда девал церковную казну из Иерусалима!

– Казну! Какую казну? – искренне удивился Катаклон и вдруг рассмеялся. – Ты меня с кем-то спутал, достопочтимый Тростейн. Я никогда не был в Иерусалиме.

– Рассказывай сказки кому-нибудь другому! Защищайся! Ты надоел мне! Или...

Остриё меча упёрлось Кевкамену в грудь.

– Подожди, подожди, доблестный воин, – опасливо отстраняя грозно блеснувшее перед глазами оружие, Катаклон вложил свой меч обратно в ножны. – Давай разберёмся. Кого ты ищешь? Уверяю тебя, я совсем не тот человек, который тебе нужен. Я спафарокандидат и послан базилевсом на остров с одним важным поручением.

– Ты врёшь, трус! – загремел Тростейн. – Подлый иуда! Ты был казначеем в церкви Двенадцати Апостолов и сбежал, прихватив с собой церковное золотишко! Почему я должен верить твоим выдумкам?!

«Господи, что делать?! – лихорадочно размышлял Кевкамен. – Этот бык воистину принимает меня за другого. Нет, я не могу открыть ему своё имя и цель своего приезда. Этим я нанесу вред Лихуду и Мономаху, да и себе самому в первую очередь».

– Что, пёс, умолк?! – окликнул его нурман. – Довольно врать! Пошли! Живо! Отдавай мне свой меч!

Рукой в железной перчатке он ударил Кевкамена в плечо. Сам не зная как, молниеносным безотчётным движением юноша вырвал меч из ножен и рубанул нурмана по лицу.

Тростейн с воплем схватился за глаз, между пальцами его захлестала кровь, он зарычал и с яростью метнулся на Катаклона, но Кевкамен, подхватив свой плащ, бегом ринулся вдоль берега.

Ослеплённый дикой болью, зверея от ненависти, нурман орал во всё горло:

– Стой! Держите его!!!

Кевкамен бежал, не разбирая дороги, петляя по каким-то грязным переулкам, наполненным запахом гнилой рыбы, в ушах у него свистел ветер, а наброшенный впопыхах плащ неприятно колыхался за плечами. Перевёл он дух, только когда оторвался от погони и очутился на высокой скале над речным берегом.

Глаза Катаклона заливал пот. Опираясь руками о ствол раскидистой сосны, он долго тяжело, с надрывом, дышал.

В густых лесных зарослях он отсиживался до позднего вечера и только в сумерках рискнул пробраться обратно на пристань. Никем не замеченный, он юркнул на свою кумварию и постучался в камору кормчего.

– Пойди на берег, найми лодку до Митилены. Вот тебе золотой, – запыхавшись, в волнении повелел Катаклон. – С рассветом я должен быть в пути.

Кормчий понял всё без лишних расспросов, да и сверкнувшая перед его глазами золотая монета сделала своё дело.

Поутру Катаклон уже плыл вдоль восточного берега острова, вокруг него дружно работали гребцы, а крепость Мефинма оставалась далеко за спиной, окутанная густым туманом, сошедшим с высоких холмов видного у горизонта малоазийского берега.

Повалившись на дно лодки и плотно закутавшись в плащ, юный спафарокандидат предавался короткому отдыху.

...Воспоминания никак не давали Кевкамену покоя. Ворочаясь на дне лодки, он снова и снова воскрешал в мыслях прошлое: своё детство, учёбу в Высшей школе Магнавры, встречи с приятелями.

Их набралось тогда человек двадцать – все они были сыновья и племянники почтенных знатных родителей, девятнадцати-двадцати лет, одетые в одинаковые белые хламиды, с вощаными дощечками в руках.

Нудно и утомительно читал свои лекции уважаемый Константин Лихуд, они узнавали о Кодексе Юстиниана и «Эклогах», об эпистолах покойных базилевсов и их василиках, а после занятий шумной гурьбой высыпали на Месу и на площадь Августеон.

Константин Мономах – высокий стройный муж, старше Катаклона лет на пятнадцать (а может, и больше), провинциал из Далассы, связанный родственными узами с влиятельнейшим родом Склиров, неглупый, честолюбивый, изысканный эстет, друг покойного отца – чем привлёк он к себе внимание тогда ещё совсем ребёнка Кевкамена? Да, пожалуй, в нём была сила обаяния, какая-то особая притягательность.

Ясно припомнил Кевкамен последний день своей учёбы. Тогда приглашённые в дом к Мономаху и оказавшиеся в благоухающем саду вчерашние школяры – он, Неофит и Василий Педиадит – бурно обсуждали открывающиеся перед ними горизонты.

– Я начну службу при дворе, – говорил Василий, худощавый высокорослый безбородый евнух, неведомо как затесавшийся в их компанию. – Где ещё можно обеспечить себе хорошее будущее? Хочу добиться помощи от дяди Константа. У него широкие связи, он патриций, вхож в тронный зал Магнавры. Неплохо было бы получить сан наместника где-нибудь неподалёку от столицы.

– Но, говорят, за должности надо платить большую мзду, – вставил Кевкамен.

Он немного завидовал Педиадиту – уж этого-то устроят куда-нибудь в тёпленькое местечко, хоть он и евнух. Жаль, что у него, Катаклона, нет таких влиятельных покровителей, как дядя Констант.

– Вы оба говорите не о том, – качая головой, возразил умница и любимчик учителей Неофит, маленький щуплый молодой человек с горящим неземным огнём взглядом жгучих чёрных глаз. – Какой смысл думать только о себе? Для того ли просидели мы столько лет в стенах аудиториума? Нет, моя стезя иная. Я хочу... Я должен нести в дальние страны свет христианского учения. Пусть слепцы прозреют, а глухие услышат!

– Это опасное и трудное дело, друг мой, – хмурясь, отговаривал его Василий. – Я понимаю твоё неуёмное желание, вижу, что ты воистину готов жертвовать собой ради торжества православной веры, но подумай: стоят ли эти жертвы твоей драгоценной жизни? Ведь ты можешь послужить здесь... Послужить империи. Империи нужны такие люди, как ты. Работай в библиотеке, пиши свои богословские труды, в этом и будет твоя стезя. А так, – он развёл руками, – погибнуть среди свирепых язычников?.. Нет, мне не понять твоих устремлений, Неофит.

– Равно как мне не понять твоего честолюбия, твоей страсти к возвышению, к карьере, – рассмеялся Неофит. – Но давайте не будем спорить, друзья мои. Всё это – пустой разговор. Каждому из нас Господь предназначил свою дорогу. Пойдёмте лучше в таверну да выпьем доброго хиосского вина.

Кевкамен слушал товарищей с некоторым даже удивлением. Слова «империя», «предназначение», «высокая цель» казались ему совершенно ненужными и пустыми. Об одном думал он и мечтал тогда: обеспечить себе более-менее приличную безбедную жизнь. А иное... Ну где вот они теперь – мечтатели! Один – служит в чине вестарха⁶⁸ в далёкой Антиохии⁶⁹ на Оронте,

⁶⁸ Вестарх – придворный титул выше протовеста, но ниже магистра, проэдра, куропалата.

⁶⁹ Антиохия – город в Малой Азии, на реке Оронте, ныне – город Антакья в Турции.

другой пропал где-то на Гипанисе⁷⁰, среди варваров. А он – он медленно, но верно идёт по дворцовой лестнице. Пусть он пока всего лишь жалкий спафарокандидат, но именно он, один из всех троих, сумел остаться в столице.

А впрочем, всё может измениться, если не получится так, как планируют Константин Лихуд и его сообщники.

...Катаклон приподнялся и сел на скамью. Прикрыв ладонью глаза, он всмотрелся в даль. Впереди, за виноцветной гладью Эгейского моря, проступили серые очертания городских стен. Вот она, Митилена – цель его долгого пути. Напряжённый, натянутый как пружина, Кевкамен вскочил на ноги и велел гребцам ускорить ход.

⁷⁰ Гипанис – здесь: Южный Буг.

11

Над городом стояла полуденная жара, было безлюдно, тяжело дышалось, духота вызвала нестерпимую жажду и пот. Во влажном раскалённом воздухе не ощущалось ни дуновения ветерка.

Вдали, за рекой, с гор, красивые очертания которых вырисовывались на фоне сапфирового неба, медленно спускался лёгкий полупрозрачный туман.

Катаклон, плотно нахлобучив на голову войлочную шапку, прошёл по мраморному мосту, пересекающему канал. По левую руку от него простиралась глубоко вдающаяся в берег бухта, окаймлённая с двух сторон длинными и узкими косами, густо поросшими зеленью. За мостом потянулась прямая улица, окаймлённая вереницей низеньких глинобитных домиков. Заросли акации, аллея лавров за невысокой оградой, магнолия с продолговатыми длинными листьями и белыми цветками, раскидистые дубы, высокие сосны, живописные очертания далёких горных вершин, щебетание птиц – всё это волей-неволей очаровывало впечатлительного юношу. В глубине дворов лаяли собаки, блеяли овцы, мычали козы. Улицу пересекали бесчисленные переулки, спускающиеся с предгорий, кое-где Кевкамен замечал узкие мостки, переброшенные через многочисленные каналы и ручьи.

Свернув вправо, он вышел к находящимся на возвышенности довольно мощным крепостным сооружениям.

– Эй, человек добрый! – окликнул Катаклон сидящего на телеге, запряжённой двумя волами, приземистого крестьянина в коротких узких штанах, грязной засаленной рубахе и маленькой круглой шапочке на курчавых, чёрных как смоль волосах. – Мне надо в крепость. Я дам тебе золотой, если подвезёшь.

– Это можно. – Говор выдавал в крестьянине сирийца. – Недавно я возил одного знатного человека, его звали Тростейн. Так он дал мне целых два золотых.

Кевкамен побледнел. Совладав с собой, он нахмурился и предложил крестьянину:

– Я дам тебе три золотые монеты, если ты расскажешь мне, что этот Тростейн делал тут и кого он искал.

– Ничего не знаю, милый человек, – обнажив в улыбке жёлтые зубы, отмолвил сириец. – Говорят, искал какого-то вора, был на приёме у катепа⁷¹, но, я слышал, уехал ни с чем обратно в столицу.

– Ладно. Вот тебе золотые. – Кевкамен высыпал в грязную мозолистую ладонь бедняка ярко блеснувшие на солнце монеты. – Поспеш. Мне не терпится поскорее оказаться в крепости.

...Во внутренний город, опоясанный сложенной из кирпича зубчатой крепостной стеной, вели узкие, обитые медью ворота. На площадках заборолов и верхах мощных полукруглых башен расхаживали стражники, на площади за стеной царило оживление, ревели ослы, голосили разноязыкие торговцы в цветастых красочных одеяниях.

Опасливо озираясь, Кевкамен пробрался на одну из ведущих к центру города улиц. Улицу эту окаймляли портики высоких зданий с мозаичными вымостками, колоннами, столпами и крутыми лестницами. Вскоре Кевкамен очутился перед домом, в котором, как сказал ему один встречный купец, ведущий на торжище осла с навьюченной поклажей, жил сейчас Константин Мономах.

Несмело ступил молодой спафарокандидат на ступени из зелёного мрамора. Что ждёт его за этими стенами? Радушие? А может, предательство? Тяжело вздохнув и покачав головой, он решительно двинулся вперёд.

⁷¹ Катепа – здесь: глава города.

12

Кевкамен не сразу и узнал в прошлом хорошо знакомого столичного аристократа. Этот высокий, не худой и не полный, с почти чёрным от загара лицом, длинной каштановой бородой, завитой колечками, как у древних ассирийских царей, с тонкими в кисти холёными руками, украшенными на запястьях серебряными браслетами, с золотой серьгой в ухе, в чёрных сандалиях и долгой лёгкой хламиде светло-голубого цвета темноглазый человек на вид лет чуть более сорока вовсе не походил на опального, мучающегося в бесславии и безвестности патриция. Наоборот, казалось, красивое лицо его с правильными чертами дышало спокойствием и благополучием. Катаклон даже засомневался, стоит ли излагать ему опасное предложение Лихуда.

– Кирие элейсон!⁷² Кевкаменос! – воскликнул Мономах, изумлённо разведя руками. – Никак не ожидал твоего прихода! Что за одежда, что за вид! На тебя напали разбойники?! Я велю сейчас же найти их и обезглавить!

– Да нет, Константин! – Кевкамен невольно усмехнулся. – Хотя отчасти ты прав. Какой-то сумасшедший нурман едва не арестовал меня в Мефинме. Всё требовал, чтобы я сознался в несуществующей краже церковной казны из Иерусалима.

– А, этот Тростейн. Должен сказать, он и мне порядком поднадоел. Выслуживается перед пафлагонским скопцом. Знаешь, кто он? Любовник блудницы Спес. Помнишь весёлую красавицу из Халкидона⁷³?

– Ещё бы. Она теперь вдова знатного вельможи и машет своим лисьим хвостом в Палатии. Мономах от души рассмеялся.

– Как верно ты сказал, Кевкаменос! Лисий хвост! И всё те же бесстыжие манеры, притворство, козни. Порой мне казалось, Большой дворец вот-вот развалится на куски от всей череды этих тайных интриг! Давно не был в Константинополе. – Он заметно помрачнел и тягостно вздохнул. – Ты не представляешь, друг, как мне надоело прозябать за этими стенами! Наскучили морские стычки с сарацинами, разбор мелких делишек уличных торгашей, унылая стрекотня динатов, жалобы париков⁷⁴. Гадкое место эта Митилена. Ты не бывал на севере, за горами? Господь да упаси тебя заглянуть в те края! Там сплошные болота, кишачные комарами, жабами и отвратительными ядовитыми гадами. А вон за окном, видишь, руины. Некогда здесь был дворец. Говорят, его построили наши далёкие предки более тысячи лет назад. А теперь один хлам, всё заросло бурьяном и крапивой. Ты знаешь, я отыскал на развалинах два прекрасных мозаичных портрета. Потом как-нибудь покажу их тебе. Но что-то я заболтался. Сейчас велю сопроводить тебя в терму, а после, за трапезой мы обсудим все наши дела. Я догадываюсь, ты неспроста оказался в Митилене.

Мономах жестом пригласил Кевкамена следовать за собой.

...Вскоре они уже возлежали за трапезой в огромном зале с украшенным мозаикой сводчатым потолком. Кевкамен, облачённый в чистый белый хитон⁷⁵, испытывал после утомительной дороги неземное блаженство.

Константин Мономах подробно расспросил его о последних столичных новостях, после чего Катаклон с волнением поведал о предложении Лихуда. Мономах долго молчал, осмысливая услышанное. Он пил из серебряной чаши щедро разбавленное водой красное хиосское вино и кусал тонкие розовые губы.

⁷² Кирие элейсон! (*греч.*) – Господи, помилуй!

⁷³ Халкидон – византийский город на малоазийском берегу Босфора, напротив Константинополя. Ныне – район Стамбула.

⁷⁴ Парики – в Византии феодально зависимые крестьяне.

⁷⁵ Хитон – одежда в виде длинной сорочки.

– Уважаемые патриции задумали рискованное и трудное дело, – наконец, словно бы нехотя, разглаживая ладонью лоб, произнёс он. – Я не до конца верю в их искренность. Поэтому поблагодари, Кевкаменос, Лихуда за его предложение, я буду иметь его в виду. Но пока они не подымут против Пафлагона армию и не взбудоражат чернь, мне нечего помышлять о золотой диадеме. Да и базилисса Зоя... Ты её плохо знаешь, друг. Ведьма, каких свет не видывал. Это она заслала меня в эту дыру. Вместе со своим любовником, зайцем в пурпуре. – Константин злобно скривился. – Скажу тебе прямо: презираю я эту грязную потаскушку. Видно, здорово её прижал проклятый евнух, если она готова в очередной раз сменить мужа. Но я ей – не постельный прислужник, и пусть не воображает, что прельстит меня своим пергаментным лицом и сломанными зубами.

– Ты не прав. Базилисса всё ещё хороша собой, – возразил со снисходительной улыбкой Кевкамен.

– Ну да, хороша, как же. Густые белокурые волосы, тёмные, как константинопольская ночь, глаза, орлиный носик, о котором впору хоть писать восторженную оду. Что-нибудь наподобие тех дрянных стишков, какими пачкают пергамент новоявленные поэты, – с издёвкой заметил Мономах. – О, Кирие элейсон! До чего докатилась держава ромеев! Продажные патриции, тупая необразованная чернь, корыстолюбивые динааты, пустоголовый император!

Он смачно сплюнул и со стуком поставил на стол чашу.

– Я вижу, Константин, твоё самолюбие сильно задела ссылка, – сказал Кевкамен, с участием глядя на исполненное злости и презрения круглое лицо собеседника. – И всё-таки, надеюсь, ты вырвешься отсюда и вернёшься в столицу. А привычку плевать ты не бросил. – Он рассмеялся. – Помнишь, как ругал тебя за это Лихуд?

– Это было давно, – Мономах криво усмехнулся. – Теперь иные времена. А привычка – да, осталась. Даже любопытно, как бы отнеслась к ней базилисса?

– Наморщила бы свой изящный носик и вздёрнула вверх гордую голову, – со смехом ответил Катаклон.

– Пожалуй, ты прав. А кстати, как ты сам, Кевкаменос? Нашёл себе жену?

– Пока нет. Правда, есть на примете одна девушка. Она из знатного рода, хотя и небогата. Но тебе я ни за что её не покажу и даже не скажу, кто она такая. Мне известно, как переменчиво женское сердце.

– И правильно сделаешь, Кевкаменос, – похвалил его Мономах. – Вот мне будет трудно расстаться с Марией Склиреной. Помнишь ту девочку-подростка, племянницу моей покойной супруги Елены? Иногда она встречалась нам после учения в саду. Видел бы ты её сейчас – она расцвела, как роза. Если бы не церковный запрет, я бы давно женился на ней, а так... Грех, Кевкаменос, слабость человеческая, оказывается сильнее наставлений духовных отцов. Склирена родила мне дочь. Жалко будет оставить её ложе.

– Я не понимаю, Константин, как так можно! – всплеснув руками, изумлённо воскликнул Катаклон. – Тебя ожидает престол, а ты жалеешь о какой-то там любовнице!

– Какой-то там... Я не буду, как сделали бы наши патриции, скрывать её от взоров гостя. Подойди к окну, выгляни в сад. Вон она гуляет по мраморной дорожке и вкушает сладкий персик. И сама она подобна персику.

Они подошли к раскрытому окну.

Молодая невысокая черноволосая женщина в долгом коловии⁷⁶ медленно шла по роскошному саду. Увидев Константина, она маленькой изящной ручкой послала ему воздушный поцелуй и заулыбалась.

⁷⁶ Коловий – накидка.

Улыбка у Склирены была приятной, но её никак нельзя было назвать красавицей. Мясистый нос, толстые губы, тяжёлый подбородок, густые, сведённые в линию чёрные брови – Катаклон не нашёл в этой Мономаховой любовнице ничего особо привлекательного.

Когда Склирена, поприветствовав его, скрылась из виду, он тихо сказал Константину:

– По-моему, Зоя намного красивей.

Пожав плечами, Мономах коротко ответил:

– У нас с тобой разные вкусы.

– Пойми, Константин, – с жаром стал убеждать его Кевкамен. – Тебя никто не заставляет отказываться от Склирены. И тем более от дочери. Как, кстати, её нарекли?

– Мария.

– Мария. В честь Богоматери. Хорошее имя. Ласковое, как журчание ручейка. Так вот. Я здесь затем, чтобы получить точный ответ: согласен ли ты на брак с базилиссой? И знай: женитьба твоя на Зое – только повод склонить на твою сторону чернь. Зоя популярна в народе. А сядешь на трон, можешь поступать, как хочешь, и спать, с кем тебе заблагорассудится. Хоть гарем заведи, как сарацинский халиф.

Мономах задумался, по привычке сплёвывая сквозь зубы.

– Ответишь Лихуду «да», – промолвил он после недолгого размышления. – И довольно о политике. Давай выпьем и забудем на время волнения и тревоги. Ничто так не отвлекает от забот, как хорошая трапеза и сладкое хиосское вино.

Мономах хлопнул Катаклона по плечу и увлёк его обратно к столу.

13

За морским заливом над горами гремели грозовые раскаты, ночное чёрное небо прорезали яркие просверки молний; захлёбываясь в дикой злобе, шумел неистовый бешеный ливень.

Патрицию Мономаху не спалось. Он открыл в спальне забранное слюдой окно и полной грудью вдыхал свежий влажный воздух ненастья, не замечая, что лицо, волосы и борода все стали мокрыми, а дождь уже яростно барабанит по подоконнику.

Длани судорожно вцепились в оконную раму, было страшно и одновременно радостно, сердце стучало в тревожно-весёлом трепетном ожидании.

Значит, его, Константина, не забыли в столице, его ждут, на него надеются! Он нужен, нужен империи! Неужели... Не верится, что это возможно! Он будет восседать на золотом троне, ноги его будут облегать пурпурные кампагии⁷⁷, царская хламида будет струиться с плеч, а над челом на золотых цепях будет висеть сверкающая, усыпанная бриллиантами корона! Для этого стоило претерпевать неудачи и невзгоды, стоило гнить в этой пропахшей пылью веков Митилене, наполненной мрачными тенями древних правителей и поэтов.

Вот были царства, полисы, жили и правили здесь, на берегах виноцветного моря, персы и афиняне, Кей и Эвандр, Диоген и Аристоник. И что осталось от них теперь? Одни скупые воспоминания, полустёртые временем лица на старинных статирах да напыщенные строки древних сказаний. Эти правители травили друг друга, убивали, уничтожали, хватаясь за ускользающую из рук власть, они вырождались, порой беря в жёны собственных сестёр ради сохранения «чистоты крови», их потомки становились ничтожными дегенератами, придурками.

Константин спросил сам себя: а что ждёт империю ромеев? Не судьба ли этих древних правителей, наместников и царьков? Стало страшно даже, когда вспомнилась хорошо знакомая по хронографам история Ромейской державы. Вот длинный ряд порфириноносных императоров, среди них встречаются достойные мужи – Юстиниан, Василий Македонянин, Роман Лакапин, – но есть и ничтожные: пьяницы, гуляки, дураки. Есть коварные жестокие деспоты и трусливые слабые бездарности, прячущиеся под женские юбки в гинекее.

И дорога к трону почти всегда и везде обильно полита кровью. Пролить кровь суждено будет и ему, Мономаху. А что, если заговор провалится, его схватят, ослепят?! Константин содрогнулся от одной мысли о возможной неудаче. Тогда надо будет бежать, вовремя укрыться где-нибудь на Востоке, у арабов или персов. Он, Константин, хорошо знает арабскую речь, он договорится с мусульманами, ему помогут. Не кощунство ли?! Не предательство ли это?! Он, христианин, способен навести на своих единоплеменников полчища неверных!

Мысли путались в голове, Мономах набожно перекрестился.

– О, Господи! Избавь меня от лукавого и направь на путь истины! – прошептал он.

Только сейчас он заметил, что весь вымок, и поспешил закрыть окно. Гроза проходила, вдалёк уносились огромные чёрные тучи, и на душе стало спокойней, подумалось уже без страха: да, он должен перешагнуть через свою совесть, если это будет необходимо. Важно не то, каким образом добыта власть, а для чего она взята. Для того, чтобы предаваться всеу неге и удовольствиям, или для державных дел. А разговоры о предательстве и честности нужно отбросить! Вот он, Мономах, по сути, сегодня предал Склирену. Да, она племянница его покойной второй жены, он не может жениться на ней, по христианскому обычаю. Но всё равно, он отказался от неё ради престола, он готов растоптать её любовь, её чувства, и свои чувства отместить, как ненужный хлам. Трон того стоит!

Старинный друг Кевкамен принёс ему надежду. Сейчас он, усталый с дороги, спит сном праведника, невзирая на раскаты грома за окнами. Спит Катаклон, спит Склирена, спит, раз-

⁷⁷ Кампагии – обувь византийских императоров.

бросав руки в стороны, маленькая Мария, спят слуги. Один он, патриций Константин Мономах, не спит. Он пытается провидеть грядущее и не может, он мечется по опочивальне, падает на колени перед образами, и перед взором его вспыхивают, как молнии, вырываясь из темноты, лица прежних почивших в Бозе императоров.

«Не бойся! Не страшись! Ты знаешь, на что идёшь и для чего!» – напутствует его явившийся из мрака кареглазый лысоватый человек, так хорошо знакомый. Кто это? А, как же он забыл? Это Юстиниан! Он видел лицо самого великого из императоров Ромеи в Равенне⁷⁸, на мозаике в соборе. Юстиниан исчезает, расплывается во мраке, на смену ему приходит другой император в пурпуре, седобородый, худощавый, смуглый, чем-то немного похожий на самого Мономаха.

«Это Роман Лакапин⁷⁹!» – догадывается Константин.

– Будь твёрд! Никогда не отступай! Ты не царского рода? Ну и что. Я был сыном простого крестьянина, а чего достиг! А ты хотя бы патриций по рождению. Твоя мать – из рода Склиров. Род Склиров мятежен? Варда Склир трижды подымал бунт против отца базилиссы Зои? Так будь мудрее Варды Склира – помирись с правящей династией. Возьми в жёны мою правнучку. Установи тем самым мир в империи. Я тоже мог поднять войско, свергнуть малолетнего императора, но я не сделал этого. Я поступил иначе. Я дочь свою отдал ему в жёны и получил власть, о которой мечтал. Думаешь, мне было легко? И ты следуй моему примеру. Говоришь, Зоя неплодна? Ты глупый мальчишка, Константин! Послушай, что скажет тебе старый базилевс Роман: это же твоё счастье! Я кончил свой земной путь в монастыре на Проти по милости собственных сыновей. Они свергли меня с престола, не дали дожить спокойно. Четыре последних года я просидел в затворе. Ты будешь более счастлив, Константин.

⁷⁸ Равенна – город в Италии, в VI–VIII веках принадлежал Византии.

⁷⁹ Роман Лакапин – византийский император, правил в 920–944 годах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.